

БОРИС БАТЫРШИН
ФЛОТ РЕШАЕТ ВСЁ

АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

К повороту стоять!

Борис Батыршин
Флот решает всё

«ИП Каланов»

2023

Батыршин Б. Б.

Флот решает всё / Б. Б. Батыршин — «ИП Каланов», 2023 — (К повороту стоять!)

Большая война заставила историю свернуть из прежней колеи, и немалую роль сыграли в этом трое друзей, выпускников Морского Корпуса. Бои на Балтике, в Средиземном море уже отгремели, каждый из них пошёл дальше своим путём. Но - до мира и спокойствия пока очень далеко. На этот раз события развиваются в стороне от прежних театров военных действий, в Африке, на берегах Абиссинии, где "вольный атаман" Ашинов затевает невиданную авантюру, основав казачье поселение Новая Москва. Но не всем эта затея по душе - союзная Франция не слишком довольна тем, что Россия укрепляется на африканских берегах, и готова помешать этому. К тому же, есть, кому подтолкнуть назревающие события - вынырнувший из тумана забвения опальный британский шпион Ричард Бёртон снова возьмётся за старое в попытке вернуть расположение своих коллег по тайной войне. И противостоять ему снова придётся двоим из троицы лихих гардемарин. Потому что кое-что в этом мире остаётся неизменным: флот, как и раньше, решает всё!

© Батыршин Б. Б., 2023

© ИП Каланов, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
I	12
II	22
III	30
IV	41
V	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борис Батыршин

Флот решает все

© Борис Батыршин 2023

Пролог

Южно-Китайское море, Тонкинский залив.

Море было жёлтым – совсем как жёлтая тоска, заполнявшая душу капитан-лейтенанта Пьера-Жоржа Ледьюка. И невозможно понять, отчего оно сделалось таким – то ли от того, что в море отражается вечно жёлтое небо, то ли наоборот, воды, Тонкинского залива, куда выносят ил и глину мутные аннамские реки, речки и речушки, сами отбрасывают на облака этот болезненный отсвет. Да капитан-лейтенант особо и не пытался найти ответ. Он просто ненавидел это море, этот залив, весь Индокитай – ненавидел искренне, страстно, как может ненавидеть только уроженец Средиземноморского побережья, чьё детство прошло в рыбацком городке где-то между Ниццей и Марселем.

Но – никуда не денешься, такова она, доля военного моряка. После того, как в сражении при Кайенне, состоявшемся три с половиной года назад, корабль, на котором тогда ещё лейтенант Пьер-Жорж Ледьюк состоял в должности старшего артиллерийского офицера, флагманский броненосец адмирала Кубрэ «Кольбер» был пущен на дно таранным ударом британского «Беллерофона», карьера Ледьюка выписала резкий поворот. Вместе с новым званием он получил свой корабль – вот этот самый колониальный крейсер второго ранга «Вольта». С ним он и отправился к берегам Индокитая – и ладно бы ещё во Французскую Кохинхину, в столице которой, Сайгоне, есть европейский, выстроенный в колониальном стиле квартал, и где белый человек может почувствовать себя... человеком. Так нет же – «Вольту» послали в самую что ни на есть проклятую дыру, в Тонкинский залив, и теперь бороздит эти осточертевшие воды выполняя приказ: патрулировать побережье на участке от устья Красной реки (Хонга, как называют её аннамиты) к северо-востоку, до самого Монгкая, что на границе с Китаем. Шестьдесят с лишним морских миль, побережья, изрезанные заросшими речными дельтами, многочисленные острова – немало для изношенной машины, едва-едва позволяющей развить одиннадцать узлов, да и то, не на дрянном китайском угле, от которого топки забиваются со скоростью прямо-таки неправдоподобной, а проектное давление в котлах, наоборот, не нагнать, как ни старайся...

– Паруса справа по курсу! – крикнул сигнальщик. – Дистанция – мили две с половиной, под самым берегом!

Капитан-лейтенант вскинул к глазам бинокль. Так и есть, джонка – три мачты, каждая несёт широченный, снабжённый многочисленными рейками паруса, украшенные то ли неразборчивыми рисунками, то ли иероглифами.

– Что скажете, мичман? – Ледьюк повернулся к стоящему рядом с ним на мостике вахтенному офицеру.

– Судно китайской постройки, несомненно. – бодро отрапортовал тот. – Водоизмещение – на глаз тонн двести-двести пятьдесят, немало по здешним меркам. Идёт грузёным под завязку, курс Зюйд-Вест, скорость около четырёх узлов. Тяжело нагружен, вот и тащится, как беременная черепаха. Контрабандисты, я полагаю.

Это Ледьюк и сам видел – палуба джонки между сильно задранными носом и кормой прогибалась чуть ли не до самой воды. А значит, в трюмах груз, и груз увесистый.

– Скомандуйте в машину добавить оборотов, мичман. – распорядился Ледьюк. – Идём ловить этих... контрабандистов.

Уже через час выяснилось, что мичман в своей оценке нисколько не ошибся, а наоборот, угодил в самую точку. Джонка, обнаружив французский крейсер, попыталась, как и положено контрабандистам, скрыться в мелководном проливе между островами. Но после двух практических снарядов, поднявших мутно-пенные столбы по курсу джонки и третьего, проделавшего здоровенную дыру в парусе, пришлось сбросить ход и принять досмотровую группу. И после первого же взгляда на содержимое трюмов стало ясно, что снаряды растрочены не впустую – джонка была загружена ящиками со старыми французскими игольчатыми винтовками системы Шасспо, патронами и прочей воинской амуницией. Нашлись даже две пушки – бронзовые, дульнозарядные, помнившие, надо полагать, ещё наполеоновские войны и Восточную кампанию в России.

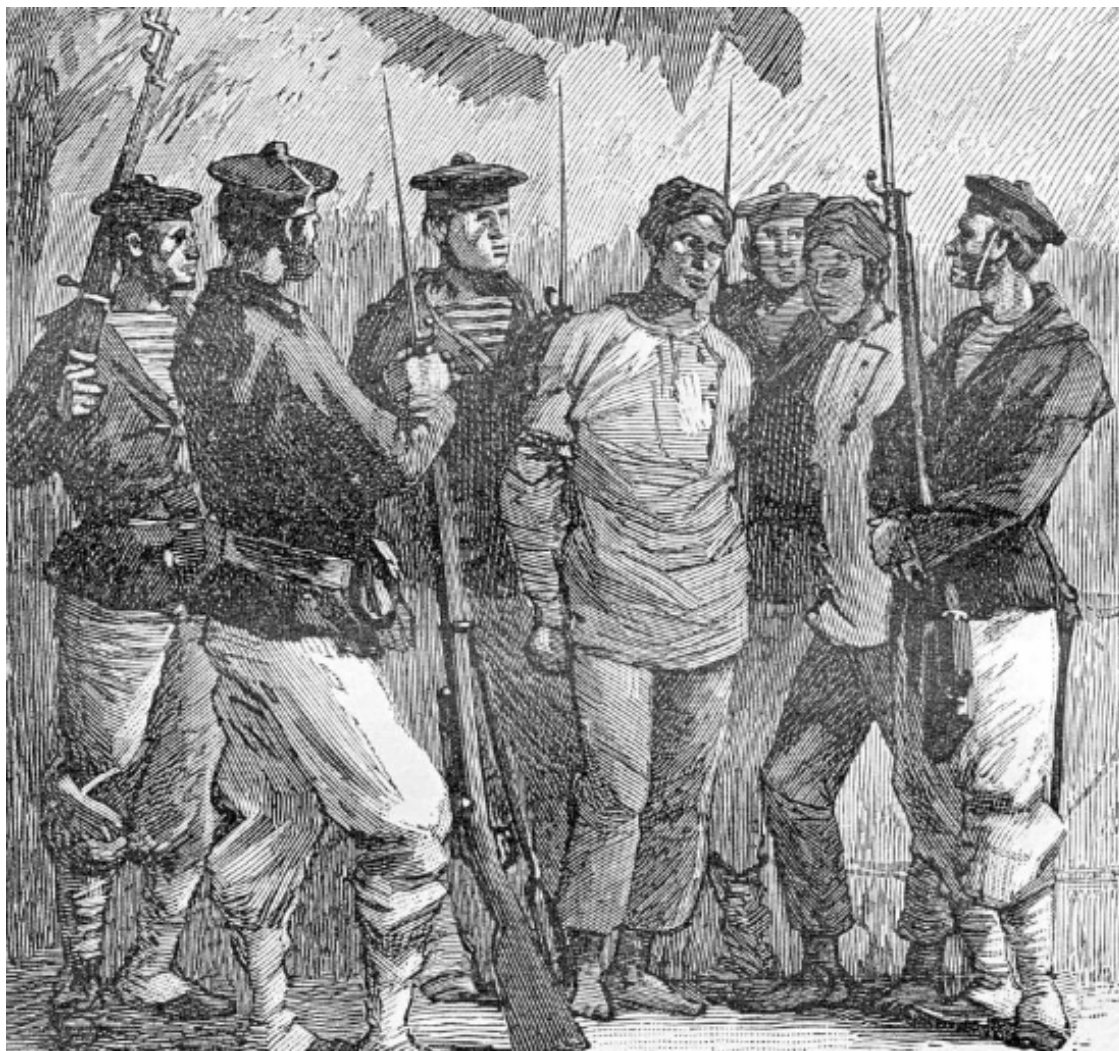
Контрабанда, таким образом, была налицо. Правда, допросить самих контрабандистов не удалось – единственный, кто мог сойти за переводчика, штурманский мичман Мерсо владел кохинхинским диалектом языка аннамитов – а на нём жители тонкинского приграничья,

из которых состояла команда «приза», говорить отказывались. Впрочем, может они, и правда, не понимали, подумал Ледьюк, в этой проклятой богом стране в каждой речной долине своя манера говорить, и жители двух соседних провинций зачастую не понимают друг друга. Но это, конечно, дела не меняло – факт контрабанды оружия, да ещё и явно краденого со складов, принадлежащих французской армии, налицо – а другого доказательства спешно собранному трибуналу и не требовалось. Правда, мичман Мерсо, которому поручили роль адвоката, заикнулся, что пойманных следовало бы доставить в Хайфон, чтобы допросить там по всем правилам, но председатель трибунала, в роли которого выступал сам капитан-лейтенант, это попользование решительно пресёк. Не хватало ещё из-за такой ерунды мотаться туда-сюда, жечь уголь попусту! На предложение же отправить пленников в Хайфон вместе с захваченной джонкой, было отвечено, что для этого придётся выделять боцмана с тремя, самое меньшее матросами, а рабочих рук на крейсере и так не хватает. Не меньше четверти команды мается животами из-за того, что приходится пить воду из опреснителей – местная, взятая неделю назад в порту, успела протухнуть, и для питья более не пригодна. Так что джонку придётся потопить, сняв с неё часть груза в качестве вещественного доказательства; что же до самих контрабандистов, то и тут решение не следует откладывать в долгий ящик и вынести полагающийся за такое преступление смертный приговор. Впрочем, в Хайфоне их ждало бы то же самое, причём мерзавцы ещё и остались в выигрыше – там они закончили бы свои никчёмные жизни в петле, а здесь, на борту военного корабля их ждала почётная смерть от пороха и свинца. Капитан-лейтенант скрепил протокол заседания трибунала своей подписью, приложил корабельную печать с гербом Третьей республики – и всё, дело было сделано.

Остальное было уже делом техники. Через час после вынесения приговора (визит судового капеллана аннамиты, как и следовало ожидать, проигнорировали) осужденных со связанными руками, по трое выводили на полубак и ставили выстраивали возле лееров, спиной к морю. Матросы под руководством боцмана спутывали приговоренным ноги, цепляли к ним груз. Шеренга из десяти стрелков по команде мичмана давала залп из карабинов, и трупы с привязанными к ногам грузами отправлялись за борт.

Не обошлось и без неприятностей. Один из контрабандистов, совсем ещё молодой аннамит, когда его поставили к леерам, злобно заорал что-то на своём языке, после чего обхватил ближайшего матроса и вместе с ним прыгнул за борт. Боцман вырвал у стрелка карабин, но распорядившийся казнью офицер остановил его. Зачем? Даже если беглец (а ведь ловок чёрт косоглазый, сумел освободить руки!) каким-то чудом избежит ещё и от привязанного к ногам груза, его всё равно затянет под винт. Та же судьба, несомненно, постигла и беднягу-матроса – крейсер идёт на десяти узлах, так что даже спускать шлюпку и пытаться отыскать несчастного бессмысленно.

Матросы палубной команды давно уже стёрли с белых тиковых досок следы крови, заново выскоблили их кусками пемзы и окатили из шлангов забортной водой; офицер, распорядившийся экзекуцией, отправился сочинять рапорт о трагическом происшествии, приведшем к гибели матроса второй статьи Дюваля, а капитан-лейтенант Ледьюк всё так же стоял на полубаке и смотрел на осточертевшие жёлтые воды осточертевшего Тонкинского залива, и думал об одном – как же он ненавидит этот проклятый Индокитай...

Вонгу, моряку с судна «Минчжу» (что с китайского переводится, как «Чистейшая жемчужина») сказочно, невероятно повезло – обыскивающий его матрос отвлёкся и проглядел спрятанный в лохмотья складной нож. Вонг купил его в португальском Макао, и с тех тонкое, очень острое лезвие не раз его выручало. Вот и сейчас – пока длинноносые тархтели что-то на своём языке, изображая суд, Вонг сумел незаметно перепилить верёвку, стягивающую руки за спиной. Мелькнула мысль постараться помочь и товарищам, но Вонг выбросил её из головы – длинноносые дьяволы наверняка заметят, и тогда ему тоже конец.

Когда их вывели на казнь, Вонг подождал, когда матрос станет привязывать ему к ногам груз, обрывок толстой ржавой цепи длиной в три локтя и, улучив момент, обхватил француза и вместе с ним перевалился через ограждение палубы. Уже на лету он исхитрился всадить своей жертве нож в бок, а едва оказался в воде – перехватил лезвием верёвку, удерживающую груз и, надрывая все силы, поплыл прочь от борта. Он ждал выстрела, но не дождался – крейсер ушёл, и Вонг остался в воде один-одинёшенек. Но это его не пугало. до берега не больше двух ли, сил у него достаточно, а если появятся акулы – что ж, нож он крепко сжимает в зубах. Справится и с акулой, не впервой...

¹ популярная французская народная песенка. Сочинена солдатами в 1709 г. Накануне битвы при Мальплаке.

Часть первая
«Мальбрук в поход собрался...»¹

I

Санкт-Петербург,

Адмиралтейство.

Граф Юлдашев раскрыл бювар, пробежал глазами несколько строк на листке, что лежал сверху, потом со вздохом отодвинул бювар на середину стола.

– Слышал, Вениамин Палыч, вы взялись учить китайский? Недурное дополнение к итальянскому и немецкому языкам! Об аглицком не говорю, вам, водоплавающим, положено...

В ответ собеседник графа, молодой человек лет двадцати трёх-двадцати пяти, в мундире и со знаками различия штабс-капитана по Адмиралтейству произнёс фразу, в которой кошачье мяуканье перемешивалось с визгливыми звуками, мало похожими на человеческую речь.

– Что это вы сейчас изволили сказать? – осведомился граф после небольшой паузы.

– Уважаемый господин совершенно прав, но он, забыл упомянуть ещё два языка носатых заморских дьяволов, которыми я тоже владею, испанский и французский. А так же немного говорю на арабском.

– Недурно, недурно... – граф изобразил беззвучные аплодисменты. – Да вы, как я погляжу, настоящим полиглотом стали – и это всего за три года?

– Испанский я основательно подтянул во время нашей чилийской операции. Что до остальных – да, решил последовать советам умных людей.

– Да, в нашем деле без знания языков никуда. А то будешь, в самом деле, «немцем» – как пращуров называли иноземцев за неспособность говорить по-русски...

Граф подошёл к окну, за которым на брусчатке сенатской площади кисли весенние снеговые лужи.

– Но почему, позвольте поинтересоваться, именно китайский?

– В последние несколько лет наши союзники французы крепко увязли в тех краях. Вот я и решил, что это может пригодиться.

Юлдашев нахмурился, что-то припоминая.

– Честно говоря, мне казалось, что их интересы распространяются на Тонкин, и в меньшей степени на приграничные земли Аннама. Вон, Ханой, столицу тамошнюю, целых два раза штурмом брали!

– Да, за десять лет. – штабс-капитан наклонил голову. – Вы правы, Александр Евгеньич, интересы Франции сосредоточены по большей части, в северных, пограничных с Китаем провинциях, а так же на юге, в Кохинхине, где они обосновались довольно прочно. Но беда в том, что и Цинская империя зарится на северные территории. Их вооружённые банды «Белые флаги» постоянно переходят границу и нещадно режутся со своими антиподами, тонкинскими «Чёрными флагами» возглавляемым неким Лю Юнфу. И есть подозрение, что китайские войска, расквартированные там якобы для наведения порядка, закрывают глаза на творимые китайскими головорезами зверства.

– А что они там делят – вы понимаете? – спросил граф.

Честно говоря, для меня политические дела всех этих Аннамов, Тонкинов и, прости господи, Кохинхин, всегда были тайной за семью печатями.

– Если без подробностей – то борьба за право торговать дешёвым опиумом. Французские власти, желающие сами получать доход от этой торговли, требуют от властей Тонкина установить в приграничных с Китаем провинциях хоть какой-то порядок, но те не в состоянии этого выполнить, даже если бы и хотели. Но они и не хотят – а, следовательно, большая война, в которую неизбежно будет втянут и Китай, неизбежна, причём в самое ближайшее время. А поскольку это происходит вблизи восточных границ России, я счёл своим долгом...

– Да, в докладах было что-то насчёт военных экспедиций французов в Тонкин. – перебил собеседника Юлдашев. – И вы, значит, решили подготовиться к грядущим событиям и заранее выучить китайский?

– В нашем ведомстве найдётся не так много владеющих этим языком, граф. Когда там заварится каша – мне будет, чем заняться.

– Регулярная китайская армия – это господам лягушатникам отнюдь не аннамиты и вооружённые тонкинские банды. – граф отошёл от окна и принялся вращать большой напольный глобус, стоящий в углу кабинета на дубовой резной подставке. Нашёл и наклонился к выпуклой поверхности, близоруко сощурившись. – У них ведь и военный флот имеется, не так ли?

– Да, и довольно неплохой, для азиатской державы, разумеется. – подтвердил штабс-капитан. – Если хотите, я пришлю вам мой доклад на эту тему.

– Пришлите, голубчик, пришлите. А сейчас, не сменить ли нам обстановку на более, так сказать, приватную? В «Даноне» для меня заказан столик, пообедаем, а заодно обсудим ещё кое-что. Интересы нашего ведомства – они, знаете ли, не ограничиваются действиями французов в Аннаме, да и в других местах, хотя в последнее время Париж стал что-то много себе позволять. Впрочем... – губы графа растянула тонкая улыбка. – кому я это объясняю? Не вы ли не далее, как сегодня утром делали доклад на совещании у Морского Министра как раз на эту тему?

* * *

Читатель, знакомый с предыдущими частями этой истории наверняка узнал в штабс-капитане, знатоке иностранных языков и специалисте по делам в Индокитае Венечку Остелецкого – теперь уже Вениамина Павловича Остелецкого, одного из тройцы выпускников Морского Корпуса, лихих мичманов, которых судьба через считанные месяцы после выпуска

бросила в горнило войны. Той, что началась на Дунае и на Кавказе, но вскоре захлестнула огненным вихрем Балканы, Балтику, Египет и много ещё чего, включая. Орудийные залпы этой войны гремели и в Индийском и Атлантическом океанах, и у побережий туманного Альбиона, и даже Североамериканских Соединённых Штатов.

Война разделила друзей. Серёжа Казанков начал службу на балтийских мониторах и внёс свою – и немалую! – лепту в разгром британской эскадры, опрометчиво сунувшейся в Финский залив. В дальнейшем он отметился лихим рейдом в Индийский океан, а так же принял участие в американском походе русского броненосного отряда, и закончил её в Чесапикском заливе, где состоялось грандиозное – по меркам Нового Света, разумеется, – морское сражение, закончившееся победой соединённых американских и русских сил над «просвещёнными мореплавателями».

Другой «мушкетёр» (так их нет-нет, да называли в Корпусе), барон Карл Грeve получил назначение на один из тех клиперов, что развернули крейсерскую войну в океанах. «Крейсер», на котором он служил, ловил жирных британских торгашей у побережий Африки и Индии, освобождал индийских сипаев с островной каторги, куда упекли их британцы, принял вместе со своим кораблём неравный бой с британской крейсерской эскадрой у берегов Занзибара – и едва не погиб, лишившись кисти руки. В качестве компенсации за увечье и прерванную на самом взлёте карьеру (какой из него моряк – с культей-то!) барон Грeve («Гревочка», как называли его друзья) приобрёл молодую жену, бельгийскую аристократку, владелицу судоходной компании, фамильного замка, даму, обладательницу массы достоинств, далеко не последние из которых – броская красота и вулканический темперамент, редкий для уроженок Валлоны. Эта любовная история сама по себе может послужить сюжетом для авантюрного романа – достаточно сказать, что познакомились будущие супруги на борту судна, на котором мадам Камилла, потерявшая недавно супруга, крупного бельгийского дельца, путешествовала с целью привести в порядок нервы после пережитой личной драмы. К сожалению – а может, наоборот, к счастью, – скоростной пароход, служивший очаровательной вдовушке вместо яхты, имел на борту незаконный с точки зрения русских моряков груз, а потому был захвачен и конфискован, причём временно исполнять должность капитана на него послали именно Карлушу Грeve, быстро попавшего в сети своей пленницы...

Что до третьего из этой великолепной троицы, Вениамина Остелецкого, о котором сейчас и идёт речь – то он отправился на Чёрное море, где поначалу служил морским артиллеристом и в этом качестве поучаствовал в балканской кампании, а именно – в боевых действиях на Дунае, где снаряд, пущенный его мортирной батареей, отправил на дно турецкий речной монитор «Люфти-Джелиль». Когда же Османская Империя вынуждена была заключить мир с Россией, уступив ей Константинополь и европейские вилайеты, и турки послали эскадру, чтобы отогнать вчерашних своих союзников, англичан, англичан от Александрии – принял бой уже под османским флагом, приняв командование одним из захваченных у англичан боевых кораблей. Вместе с другими русскими моряками, составившими экипаж «трофея», он пустил на дно один из лучших броненосцев британской эскадры, и на этом его служба при орудиях и механизмах, под корабельной бронёй, на палубах, выложенных досками из белого тикового дерева нормальная служба многообещающего морского офицера, сулящая в дальней перспективе адмиральские орлы и командование эскадрой – завершилась. Зато началась другая глава в карьере Вениамина Остелецкого – волею судеб, а так же некоего графа Юлдашева он оказался втянут в игры секретных служб, схватился с опытейшим британским агентом Бёртоном, и с тех пор всё, что связано с его службой неизменно было покрыто плотной завесой тайны. Например – головоломная операция, которую Вениамин (не без помощи двух своих друзей, Серёжи Казанкова и «Гревочки») провернул недавно в Южной Америке. Сейчас он состоял в доверенных помощниках всё того же графа Юлдашева, возглавляющего недавно созданный департамент разведки при Морском министерстве, и именно в этом качестве беседовал со своим

патроном в Адмиралтействе. И собирался продолжить разговор в менее формальной обстановке, в одном из лучших ресторанов Санкт-Петербурга.

* * *

*Санкт-Петербург,
Набережная Мойки,
Ресторан «Донон».*

Назначенный главной военно-морской разведки, выделенной после войны в отдельное ведомство в рамках Морского министерства, граф Юлдашев предпринял в своей организации решительные реформы во всех областях. Одной из таких перемен стали еженедельные совещания в Морском министерстве, на котором, кроме самого министра, присутствовали высокие чины из флотского командования – их состав менялся в зависимости от рассматриваемых вопросов. Доклады на таких совещаниях делал не столько сам Юлдашев, сколько его сотрудники – старательно пестуемые графом специалисты по анализу разведанных, к числу которых с некоторых пор относился и Вениамин Остелецкий.

Вернувшись из Южной Америки и получив долгожданное повышение (правда, пришлось сменить флотское звание на офицерский чин по Адмиралтейству), он ожидал, что ему и дальше придётся заниматься подготовкой «морских пластунов», при необходимости выполняя с ними очередные головоломные задания. Но к собственному удивлению, Остелецкий «пришвартовался» за письменным столом – в новом департаменте ему выделили персональный кабинет, и отныне работа его заключалась в анализе огромной горы разнообразных сведений. Сведения эти поступали из самых разных источников, по большей части, не имеющих никакого отношения к тайным агентам – вроде иностранной прессы и докладов военно-морских атташе в посольствах разных стран.

Поначалу Вениамин изо всех сил сопротивлялся новому назначению, не желая становиться «коллежским советником по Адмиралтейству». Однако, Юлдашев, разглядевший в молодом человеке иные таланты, помимо умения проворачивать тайные операции, слушать ничего не хотел. И неожиданно Остелецкий втянулся в новую работу, увлёкся процессом выстраивания из горы заметок, докладных записок, статистических сводок, прогнозов, которые, к его удивлению, нередко сбывались. Но даже когда этого не происходило, проделанная работа не пропадала зря – один из важнейших уроков, вынесенных из работы на новом месте, стало то, что анализ собственных ошибок порой может оказаться полезнее, чем изучение самых достоверных разведанных.

Кроме еженедельных заседаний у морского министра, (последнее, состоявшееся этим утром, было целиком посвящено состоянию флота Французской республики после окончания войны с Англией), а так же обычной «текучки» в кабинетах Адмиралтейства, сотрудники новообразованного департамента частенько встречались и беседовали в неофициальной обстановке – как правило, за обеденным столом, в одном из петербургских ресторанов. Чаще всего это был «Донон», расположенный в доме 24 по набережной Мойки – заведение, не менее престижное, чем популярные в высших столичных кругах «Кюба» и «Дюссо». Именно туда и пригласил сегодня Остелецкого граф – и молодой человек, трясаясь в извозничьей пролётке (Юлдашев предпочитал лишний раз не привлекать внимание к своей персоне казёнными выездами) гадал, о чём пойдёт речь. Мысль о том, что дело ограничится обычным, хотя и изысканным, обедом, даже в голову ему не приходила – у разведчиков не бывает «неслужебного» времени, а потому Вениамин ничуть сомневался, что за ресторанным столиком разговор пойдёт о делах. Секретных, разумеется – иных у него давно уже не было.

* * *

– ...Значит, Африка? – Остелецкий подцепил на двузубую серебряную вилку маринованный грибок. – Но у нас там достаточно народа, или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. – согласился граф. – После заключения Триестских соглашений ситуация изменилась разительным образом. Египтяне, вытолкав англичан взапой, турок позвать назад забыли – и это при том, что именно османы более других помогли хедиву в этой войне, – а вот к нашим соотечественникам они вполне благосклонны. Суэцкий канал сейчас под контролем международного консорциума, где Россия играет одну из ведущих ролей, вот и хлынули русские дельцы в Египет. А что? Свято место пусто не бывает, оставшиеся после англичан лакомые куски требуется срочно переделывать.

– К сожалению, не только они. – заметил Остелецкий. – В докладах мелькало, что французы весьма активно лезут в Египет. У них в Северной Африке крепкие позиции, с опорой на Алжир – вот и не теряют времени. Как, между прочим, и турки – связи у них с египтянами всегда были крепкие, что политические, что коммерческие, что религиозные. Аден теперь турецкий, а вместе с ним и всё восточное побережье Красного моря. Вот и получается, что для России в этом важнейшем регионе места как бы и не остаётся.

– Ну, это, положим, преувеличение. – граф покачал головой.

– Российские деловые люди чувствуют себя в Александрии вполне комфортно, об этом наш египетский атташе регулярно пишет в своих докладах. Иные отчаянные типы даже поднимаются вверх по Нилу, собираются вести дела в самом Судане!

Остелецкий с удивлением покачал головой.

– И что, махдисты не против? Они европейцев, христиан не жалуют – режут, не разбирая кто перед ним, русский или англичанин.

– Так и есть. – подтвердил граф. – Однако, с тех пор, как Махди замирился с египетским хедивом, ситуация постепенно меняется, и мы внимательно за этим наблюдаем. Но там есть и иная возможность, с запада...

– Абиссиния? – понимающе кивнул Вениамин.

– Да. Большая, густонаселённая страна, одно из первых христианских государств в мире, изрядная часть населения которого исповедует христианство монофизитского, дохалкидонского толка – а, следовательно, по мнению наших отечественных отцов церкви, куда ближе к каноническому православию, нежели католики или, не к ночи будь помянуты, лютеране. И здесь для России открывается некий шанс, только вот воспользоваться им следует так, чтобы это выглядело не как прямое действие Империи, а как частная инициатива её подданных. Так сказать, неофициально – если вы понимаете, о чём я...

– Так называемый вольный атаман Николай Ашинов. – усмехнулся Остелецкий. – Казачье воинское поселение в заливе Таджура?

– Именно. До сих пор мы приглядывали за эскападами этого господина издали, не вмешиваясь. Но теперь, когда позиции России вокруг Суэцкого канала и Красного моря упрочились, он счёл, что его время пришло, и развил – пока только здесь, в России, – бурную деятельность в попытках найти кого-нибудь, кто окажет поддержку его проекту. Полагаю, и нам пришло время заняться им поплотнее².

– И вы хотите...

² Автор в курсе, конечно, что в реальной истории эти события развивались несколько позже, в конце 80-х годов 19 века. Но ведь это альтернативная версия, не так ли?

– Чтобы вы взяли это на себя, Вениамин Палыч.

Юлдашев раскрыл портфель, который принёс собой, выложил на крахмальную скатерть пухлый бювар. Услужливый официант во фраке сунулся, было, сдвинуть столовые приборы и тарелки, но граф нетерпеливым взмахом ладони отослал его прочь.

– Здесь то, что мы знаем об Ашинове, самые выжимки, разумеется. Если вам понадобятся сырые материалы – я распоряжусь, всё будет предоставлено в ваше распоряжение. С моей стороны одно пожелание: возьмитесь за это дело сейчас же, немедленно.

Он помолчал немного и добавил, уже вполголоса.

– Боюсь, у нас с вами совсем не осталось времени. Этот господин, Ашинов – особа чрезвычайно деятельная, и если мы не вмешаемся прямо сейчас – он способен наломать дров и напрочь изгадить такую перспективную идею.

* * *

Санкт-Петербург, Роты Измайловского полка.

Выйдя из «Донона», Остелецкий не стал брать извозчика, а пошёл, не торопясь, по набережной Мойки в сторону Крюкова канала. Пересёк Фонтанку по Египетскому мосту и оказался в «Латинском квартале» занимающем большую часть Рот Измайловского полка. Это была вотчина студентов Императорского Университета, Технологического института, Путейского, Института Гражданских инженеров и прочих высших учебных заведений столицы. Здесь, в Четвёртой Роте, он снимал небольшую, но уютную квартирку на третьем этаже дома, принадлежащего мещанину Кудрявцеву. Вообще-то, жильё в подобном месте никак не подходило для флотского офицера, но то была *каста*, связывающая своих адептов массой условностей. Когда-то и Остелецкий принадлежал к ней – другой бы на его месте огорчился, лишившись привилегированного статуса, но только не Вениамин, испытывший даже своего рода облегчение. Тем более, что требования к офицерам по Адмиралтейству в повседневном быте были заметно скромнее, и это, безусловно, облегчало ему жизнь. В сознании общества он теперь был ближе к чиновникам, инженерам, путейским, а потому другие обитатели доходного дома не

удивились такому соседству. Поблизости, он обычно и ужинал – в трактире, что расположился в двух домах дальше. Кормили здесь сытно и недорого, что, конечно, так же не подобало капитан-лейтенанту Императорского флота, однако вполне годилось скромному то ли чиновнику, то ли инженеру, каких по Адмиралтейству служит несчитано, лишь по недоразумению носящему морскую, с серебряными вместо золотых пуговицами форму. Завсегдатаи трактира, как и соседи Остелецкого по дому, его присутствием не тяготились, разговоры в трактире велись самые, что ни на есть вольнодумные, без оглядки на чужаков, которых здесь, считай, и не было. У него завелись даже приятели среди студентов-завсегдатаев трактира, в том числе, и весьма революционно настроенных. Эти молодые люди были уверены, что новый знакомый, хоть и носит мундир, но служит в каком-то техническом комитете, а значит – свой брат, интеллигент, либерал. И, соответственно, позволяли себе высказываться при нём довольно откровенно.

Впрочем, к чести Вениамина следует сказать, услышанное никогда не уходило дальше него самого. Он искренне полагал, что наблюдение за неблагонадёжными личностями есть дело чинов Жандармского Корпуса и полиции; он же, как профессиональный разведчик, просто обязан быть в курсе умонастроений не только за границей, но и здесь, в своём Отечестве.

Но сегодня Остелецкий ужинать не стал, купил по дороге несколько пирожков у разносчика, попросил дворника поставить самовар, а сам засел за изучение полученных документов. В разговоре с Юлдашевым он сделал вид, что знаком с историей вопроса – но на самом деле, всё, что знал Ашинове, было почерпнуто из нескольких наискось просмотренных газетных статей. Теперь следовало вникнуть в тему поосновательнее – Юлдашев многое прощал своим «аналитикам», но только не умственную лень и неизбежно вытекающие из неё некомпетентность и ошибки.

Сверху в бьюаре лежала стопка газетных вырезок. Серёжа заварил себе чаю покрепче и стал перебирать их, припоминая, что он, собственно, знает о предмете изучения. Получалось не так уж мало.

Итак: некий казачий атаман – кто его знает, на самом деле, атаман он или нет, репортёры изошрялись в остротах, обличая Ашинова в самозванстве, – затеял основать русское поселение в Африке, на берегу залива Таджура. Газеты писали, что земли под поселение посулил Ашинову сам абиссинский негус Иоанн, он же император Йоханнис IV-й, объявивший предприимчивого атамана своим другом. Сообщали так же, что предприятию якобы благоволил морской министр Шестаков, якобы обещавший выделить поселенцам новейшие винтовки и даже пушки, а так же посуливший отправить для их сопровождения военный корабль. Всесильный Победоносцев открыто высказывался в поддержку атамана; высокопоставленные церковные иерархи охотно рассуждали о пользе дружбы России и православной Абиссинской империи. Газеты упражнялись в прогнозах и остротах – Ашинова называли то авантюристом, то новым Ермаком Тимофеевичем. Задуманной им колонии то предрекали скорую гибель от рук французов, итальянцев или турок-османов, то, наоборот, уверяли что теперь, после столь счастливо закончившейся войны, никто не посмеет покуситься на бело-сине-красный флаг, и первое российское поселение на Чёрном континенте невиданное процветание.

Московские, петербургские, киевские издания пестрели восторженными статьями впоремешку с ругательными очерками. Гимназисты, студенты, даже охотнорядские приказчики – все бредили прожектом Ашинова. Из одной из таких статей Остелецкий узнал, что сам атаман недавно выступал выступает с лекциями в Санкт-Петербурге, собирая средства для своего предприятия, а в настоящий момент он уже несколько дней, как пребывает в Первопрестольной. Что ж, разумно: московская публика охотно демонстрирует и благочестивое рвение и верноподданые чувства, так что Ашинов сумеет собрать немало средств для своей авантюры, да и от добровольцев не будет отбоя...

Вениамин закрыл бьюар и задумался, потягивая чай. Пожалуй, имеет смысл съездить в Москву, и сделать это не откладывая – изучить обещанные Юлдашевым материалы он сможет

и потом, а сейчас важно составить собственное впечатление о самозваном атамане и его авантюрной затее.

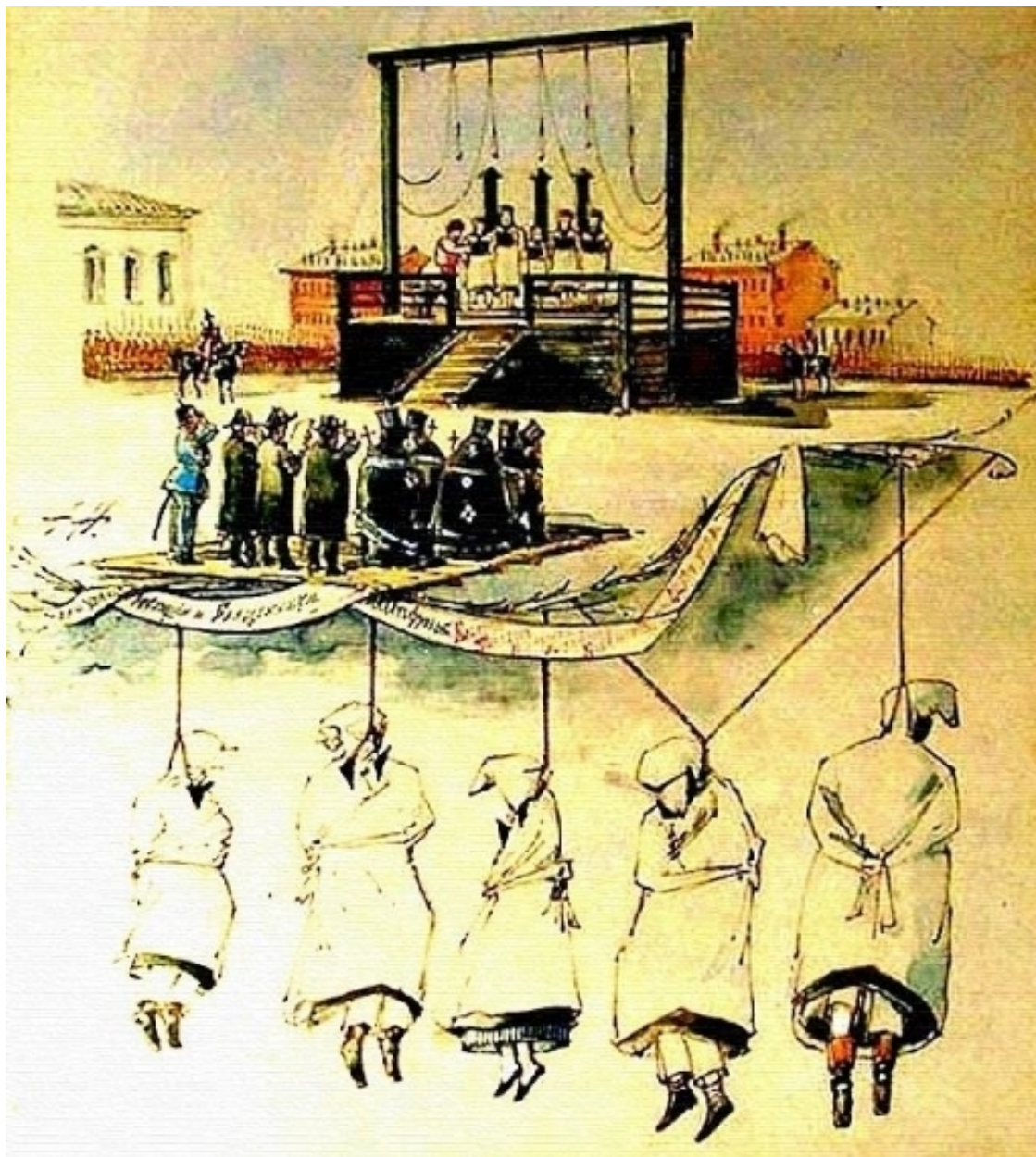
II

Российская Империя, Москва. Большая Бронная.

– Ну, что скажете, друзья? – высокий молодой человек, по виду студент, критически обзрел рукав своей шинели и принялся стряхивать с ней следы побелки. Лестничные пролёты в доме, из которого он вышел в компании двух спутников, были узкими, тесными, и к тому же дурно освещались, и молодой человек невольно вытер светло-серым сукном шинели обшарпанную стену. Дом не видел ремонта тех самых пор, как в стенах бывшего владения дворянина Чебышева было устроено самое известное в Москве общежитие для малоимущих молодых людей, съезжающихся в Первопрестольную со всех уголков Российской Империи ради поступления в высшие учебные заведения.

– А что тут говорить? – отозвался худошавый парень, на вид лет шестнадцати, в гимназической фуражке и курточке. – Кровь Серёжина на руках царских сатрапов, и неважно, что он не был повешен, как бомбисты из Народной Воли, после неудавшегося покушения в восемьдесят втором году! Тоже, между прочим, беззаконие и издевательство – процесс затянули на год с лишним, то приговаривали к повешенью, то назначали новые слушания, то откладывали без всяких видимых причин, а ведь несчастным приходилось всё это время мучиться в невыносимых условиях! Где, скажите, такое видано, в какой из европейских держав? Трое подсудимых за это время покончили с собой и ещё один, инженер Кибальчич, скончался от скоротечной чахотки! Я порой думаю: а может, их решили просто-напросто заморить в застенках, чтобы не возиться с вынесением приговора и приведением его в исполнение? Опять же, и либерально настроенную публику не придётся лишний раз дразнить, у нас всё-таки многие не одобряют смертную казнь...

Высокий студент, судя по гербу на фуражке, из Технологического Императорского училища, слушал горячую, полную пафоса речь гимназиста, едва скрывая ироническую ухмылку. Всего собеседников было трое; они неспешно шли по Большой Бронной в сторону Тверской, беседуя на ходу, и совершенно не беспокоясь о том, что могут быть услышаны кем-то ещё. И неудивительно – большая часть тех, кто попадался им навстречу, одеты были дурно, по большей части, в сильно поношенные студенческие шинели, что безошибочно выдавало в них обитателей всё тех же «Чебышей» – а в этой среде, как известно, заведомо поощряется самое отчаянное вольнодумство.

– И всё же, Матвей, самоубийство я не могу одобрить. – покачал головой студент «технологии», дождавшись, когда у визави закончится воздух в лёгких, и он невольно сделает паузу в своей обличительной речи. – Я ещё понимаю, когда лезут в петлю, отчаявшись, из-за долгого заточения в каземате, не выдержав непереносимых, пыточных, унижающих человеческое достоинство условий. А тут – ну, подумаешь, выписали волчий билет – так что, он один такой? Тоже мне, чувствительная барышня...

– Как ты можешь так говорить, Аристарх? – возмутился гимназист, которого назвали Матвеем. – Ты ведь прекрасно знаешь, сколько сил положил Серёжа на то, чтобы поступить в гимназию!

– Всё этот указ о кухаркиных детях³, – поддакнул третий, невысокий крепыш, на чьей фуражке красовался вензель реального училища. – Если бы не творение господина Победо-

³ Автор знает, конечно, что в реальной истории этот указ появился лишь в 1887-м году. Но мы же имеем дело с альтернативной версией событий, не так ли?

носцева – до волчьего билета дело бы не дошло. Ну, исключили из гимназии – поступил бы в другую, хоть здесь, хоть в Киеве. Да хотя бы к нам, в реальное пошёл, чем плохо?

Циркуляр 18823-го года, прозванный «указом о кухаркиных детях», требовавший очистить гимназии *«...от детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих не следует стремиться к среднему и высшему образованию»* был составлен обер-прокурором Святейшего Синода Победоносцевым – и именно о нём говорил сейчас реалист.

– Серёжа собирался дальше пойти по юридической части, потому и приехал в Москву. – гимназист Матвей явно не был намерен уступать. – Зачем ему реальное училище? Он и всё отцовское наследство потратил на репетиторов. Да и того не хватило – много ли может оставить сыну крыжопольский портной?

– А прочие родные от него отrekliсь, когда узнали, что он крестился, и сменил имя с Соломона на Сергея. – вздохнул реалист. – Ни копейки не прислали! В Москве, на Стромьнке у него дядя держит аптеку лавку, так он выгнал племянника взашей, и велел больше на порог не пускать. Как же, выкрест! А ничего не попишешь, всё проклятая черта оседлости, этот позор России! Как бы он ещё смог поступить в московскую гимназию, да ещё экстерном, в последний класс?

– Вольно же ему было баловаться с прокламациями... пробурчал студент. – Нет-нет, я понимаю, дело святое, но хоть прятал бы получше! Сейчас, после того, как новый царь выиграл войну – между прочим, ценой пролитых рек крови наших солдат, которым эти самые Балканы даром не нужны – многие, слишком многие поддерживают тираническую власть, а потому следует быть особенно осторожным. А таскать с учебниками, да ещё и попасться гимназическому надзирателю – как хотите, а это верх дурости!

– Не смей! – срываясь на фальцет, закричал гимназист. – Не смей так говорить! Серёжа считал, что должен раскрыть глаза товарищам по гимназии на расправу с народовольцами-революционерами, а ты...

– И дурак, коли считал. – сказал Аристарх. – Не слишком-то популярная это сейчас тема. Как же: император, одержавший невиданные со времён Александра Благословенного победы, при котором вернули крест на Святую Софию, унизили Османскую империю, создали братское для России, государство балканских славян, да ещё и саму Англию исхитрились победить на море, в их природной стихии! К тому же, не забывай, что отец царствующего императора, царь-освободитель, был убит такими же бомбистами. А твой друг собирался против него народ агитировать – и не где-нибудь, а в Москве, где всякий лабазник мнит себя патриотом, а гимназисты, кто поглупее, как один грезят возможностью сложить голову за престол-отечество, а уж смертному приговору цареубийцам все эти господа хором аплодировали и требовали повторить? Вспомни, ты же сам говорил, что товарищи по классу Серёжу и его сдали гимназическому надзирателю, да ещё и рожу перед этим хорошенько набили!

– И, тем не менее, – не сдавался Матвей, – не будь он сыном еврея-сапожника из-под Винницы, отделался бы исключением! А волчий билет – куда с ним податься? Вот он и не вынес позора...

– И всё равно, стреляться – это не выход! Мог бы найти для револьвера употребление получше! Вот, скажем, инспектор казённых гимназий, коллежский советник Скрынников – редкий негодяй, который, как мне известно, и настоял на волчьем билете.

– А откуда ты это знаешь, Аристарх? – подозрительно спросил реалист. – Остальные слухами питаются, а ты сообщаешь такие подробности?

– Ну... – замаялся студент. – Мой дядя – он по четвергам играет у нас в карты, – служит в канцелярии московского градоначальника, по просвещению. Дядя, когда выигрывает, всегда пропускает пару рюмок домашней наливки, вот и в тот раз не удержался, принялся рассказывать. Серёжина история наделала много шума. Инспектор, этот самый Скрынников, оказыва-

ется, требовал не ограничиваться исключением, а отдать провинившегося под суд, а потом и законопатить на каторгу. Серёже ведь было уже шестнадцать, возраст позволял...

– Семнадцать. – поправил товарища Матвей. – Семнадцать ему было. Но Скрынников – каков палач! Мало ему было опозорить человека, так собирался ещё и ввергнуть в узилище? Недурно было бы напомнить и ему, и всем подобным типам о Вере Засулич! Ты прав, Аристарх, вот на что надо было употребить револьвер!

– Что ты такое говоришь, Матвей! – ужаснулся реалист. Лишать человека жизни нельзя, это смертный грех!

– Это у тебя староверская отрывка, Коля. – хохотнул Аристарх. – По твоему, народо-вольцы-террористы тоже непрощаемые грешники, и им назначено гореть в аду? Окстись, ты ведь не в скиту живёшь, а мы не твои родичи-старообрядцы... Тираны должны отвечать за свои преступления кровью, и только так! Вот, недавно мой кузен – он, кстати, тоже учится на юриста, на четвёртом курсе Петербургского Училища Правоведения – привёл замечательную цитату. Постойте-ка...

Студент, покопавшись за пазухой, выудил потрёпанную записную книжку.

– Вот, пожалте: выдающийся немецкий юрист Рудольф фон Йеринг писал: «В борьбе обретёшь ты право своё!» Какая глубокая и смелая мысль! Вы только вдумайтесь: всякий человек должен бороться за свои, природой данные права, а значит – он имеет природное право прибегать к любым орудиям. Ведь противостоящие ему тираны, вооружены, за ними полиция, армия, казаки, суды, виселицы... Ну ничего, найдётся и на них управа!

Гимназист Матвей схватил руку студента и горячо затряс.

– Я с тобой, Аристарх! Надеюсь, и мы сможем внести вклад в святое дело! А ты, Степан? Ты-то с нами?

Реалист-старообрядец замялся.

– Ну... если вы оба, то и я, наверное, тоже. В конце концов, надо же наказать этого мерзавца Скрынникова... Нет такого божеского закона, чтобы человека доводить до того, чтобы он себе в висок из револьвера стрелял. Оно похуже убийства будет этот господин, выходит, толкнул Серёжу на то, чтобы душу свою загубить, ведь самоубийство смертный грех, который теперь никак не отмолить!

– Нам не понадобятся револьверы! – Матвей, опасливо оглянувшись и перешёл на шепот. – Помните, я рассказывал о гремучем студне? Так вот, для этого мне нужно...

Спутники гимназиста замедлили шаг, стараясь не упустить ни слова.

* * *

Москва.

Воронцовская улица.

Тот же день.

Улица не относилась к числу престижных. Да что там, даже – приличной её не у всякого повернулся бы язык назвать недаром, москвичи позажиточнее старались лишний раз здесь не показываться. И неудивительно: прямо за Спасской заставой размещалась раньше свалка нечистот, а на самой Воронцовской улице – ассенизационный обоз. Лет пять назад на смену им пришла канализационно-насосная станция, и смрадные бочки золотарей заменили ломовики. На улице появились промышленные предприятия – аптечная и табачно-гильзовая фабрики, колбасный завод. Но репутация улицы не улучшилась; обитали здесь по большей части, чернорабочие и мастеровые. А рядом, на Малых Каменщиках угрюмо высилась Московская губернская уголовная тюрьма, или попросту, «Таганка».

Отец Матвея как раз и служил надзирателем в тюрьме, и его домик – собственный, предмет зависти сослуживцев располагался как раз в середине Воронцовской улицы, напротив пар-

фюмерной артели Луи Буриса. Семья считалась зажиточной; соседи уважительно раскланивались с Анисимовыми, городской не забывал на престольные праздники и тезоименитства зайти поздравить солидного казённого человека и выпить поднесённую стопку белого хлебного вина с пирожком-курником. А вот для Матвея отцовская должность была всегда предметом острого стыда. В гимназии, куда он поступил без оплаты, как сын состоящего на казённой службе, его постоянно шпыняли, попрекая родом занятий отца. Он не один был в таком незавидном положении – в гимназии учились сыновья ещё двух служащих этого мрачного заведения. Они, крепкие, но несколько туповатые парни, легко давали отпор обидчикам. Матвей мог бы заручиться их покровительством, что спасло бы его от массы мелких неприятностей – но он наоборот, всеми силами избегал общества «товарищей по несчастью», за что и снискал их неприязнь. Это вполне могло бы сделать Матвея изгоем, превратить в угрюмого, затравленного, озлобленного на весь мир человека – если бы не книги. Он читал взахлёб, всё, что попадалось ему на глаза, посвящая этому всё свободное время.

Другим увлечением стала химия. Оно началось с романа Жюль Верна «Таинственный остров». Его герой, инженер Сайрес Смит ухитрялся из подручных материалов, найденных на далёком тропическом острове, делать буквально всё – мыло, взрывчатку, устраивал стеклодувные мастерские, получал кислоты, дубильные вещества для выделки кож и многое другое, оказавшееся бесценным для потерпевших кораблекрушение американцев. В этом ему помогало отличное знание химии королевы естественных наук, как уверял гимназический химик. В казённых гимназиях упор делался на математику, языки, историю с литературой и прочие гуманитарные дисциплины.

Химию, как и физику, углублённо преподавали в реальных училищах. «Реалисты» после окончания училища шли по промышленной и технической части, становясь путейскими служащими, техниками на заводах и фабриках, а кое-кто выбивался даже в инженеры. Это были вполне почтенные профессии, но стоило Матвею заикнуться о переводе, как отец пришёл в негодование. Старший надзиратель желал видеть сына выпускником университета, делающим карьеру чиновника. Послужив на своём месте четверть века, он насмотрелся на мастеровых в действующем при тюрьме исправительном работном доме, и не желал, чтобы его отпрыск являлся с подобными типами – а куда без этого на фабричной службе? Хотя и в университетском образовании, которое Фаддей Лукич Анисимов прочил для Матвея, таились свои опасности. С недавних пор Таганскую тюрьму стали использовать, как пересыльный пункт для «политических», и надзиратель вдоволь насмотрелся на смутьянов, многие из которых были как раз студентами или выпускниками университета. Меньше десяти лет прошло с тех пор, как подобная публика взорвала бомбой Царя-Освободителя; а всего несколько месяцев назад в Петербурге вздёрнули негодяев, покушавшихся на нынешнего императора. Надзиратель отлично знал, что грозный обер-прокурор Победоносцев числит студентов в числе главных бунтовщиков – и всё же, страстно желал для сына университетского образования. Именно оно открывало дорогу к государственной службе и, разумеется, при должном усердии, к высоким чинам табели о рангах. А сыну его усердия не занимать – вон как глотает книжку за книжкой, учителя в гимназии не нарадуются на прилежного отрока!

Книг в доме Анисимовых не водилось, старый тюремный служака был прижимист, не желая тратить трудовую копейку на эдакую безделицу. Сын, впрочем, не жаловался – библиотека гимназии была достаточно обширна, да и товарищи по учёбе выручали. Вот, сегодня Воленька Никифоров, сын учителя немецкого, дал на несколько дней свежий номер журнала «Нива». Матвей спешил домой, оскальзываясь на осенних лужах и предвкушал, как устроится на диване и примется за чтение. Не в силах утерпеть, Матвей листал журнал на ходу: вот долгожданное продолжение «старинной» повести писателя Аверкиева «Вечу не быть», повесть Николая Станицкого «История одного таланта», а дальше – заметки на политические и международные темы, непреременные ребусы и математические задач. И, конечно, реклама всех сор-

тов – от «продажи гребней роговыхъ, костяныхъ, мамонтовыхъ и всѣхъ прочихъ сортовъ», до солидного объявления «банкирской конторы Ф.А. Клина», которая «предлагаетъ свои услуги по банковымъ операциямъ, которыя выполняетъ со всей аккуратностью за умеренное вознаграждение».

А это что такое? Матвей споткнулся, едва не пропахав носом брусчатку. Но драгоценный журнал из рук не выпустил. Учебники, перетянутые по обычаю гимназистов старших классов, кожаным ремешком, выскочили из-под локтя и веером разлетелись по мостовой. Чертыхнувшись сквозь зубы, молодой человек кинулся подбирать книги.

Объявление помещалось на предпоследнем развороте «Нивы». Московское купеческое благотворительное товарищество совместно с Императорским Православным Палестинским обществом извещало о проведении лекции. Тема создания духовной православной миссии в Абиссинии и учреждении там же казачьего поселения «Новая Москва». Выступают иеромонах константинопольского Афонского подворья Паисий и атаман Николай Ашинов. После лекции состоится запись желающих отправиться в Абиссинию, а так же представление образованной публике «начального русско-абиссинского словаря», составленного упомянутым Н.И. Ашиновым. Так же будут выставлены на обозрение пожертвования московских купцов: Евангелие в дорогой оправе стоимостью в десять тысяч рублей и другие дары эфиопским церквам – золотые ризы, драгоценные чаши, хоругви, кресты, паникадила...

Матвей слышал, конечно, об этой истории, несколько месяцев назад всколыхнувшей всю Россию, но сейчас ему было не до авантюриста-атамана и даже не до далёкой Абиссинии. Оно, конечно, куда, как заманчиво, но у него есть дела и поважнее. Что до Абиссинии – пожалуй, имеет смысл сделать зарубку в памяти, чтобы вернуться однажды к этой, такой романтической, что ни говори, теме. Но – потом, потом, а пока надо выполнять обещание, данное товарищам!

Собрав рассыпанные учебники, юноша скорым шагом пересёк Воронцовскую улицу и скрылся за дверями под вывеской «*Аптечныя склады и торговля. К. Вахтеръ и Ко*».

* * *

Узнай старший надзиратель Московской губернской уголовной тюрьмы о том, что затеял его единственный сын, он собственноручно спустил бы с отпрыска шкуру. Нет, он выдрал бы поганца ещё раньше – как только узнал бы о том, что сынок водит компанию с такими подозрительными типами, как обитатель «Чебышей» и реалист-старообрядец. И уж точно он не пощадил бы, услышав его рассуждения о волчьем билете, негодяе-инспекторе и, тем более, о запрещённых прокламациях. Но увы – Фаддей Анисимов пребывал в блаженном неведении относительно того, куда завела его сына любовь к химии и тяга к справедливому устройству общества.

– Чего изволите-с юноша?

Приказчик не собирался угодничать, и даже это «чего изволите-с?» прозвучало, скорее, лениво, по привычке. Да и что за покупатель из гимназиста? Служащие аптечной торговли Вахтёра и Ко привыкли к оптовым закупкам на десятки, а то и сотни рублей – здесь снабжались многие московские аптеки.

– Мне, пожалуйста, три банки желатина – и он ткнул в картонные цилиндры, стоящие на полке. – И банку камфары. А ещё мне нужен глицерин. У вас есть глицерин?

Приказчик снисходительно усмехнулся.

– А чем мы, по-вашему, здесь торгуем, башмаками, или, может быть, квашеной капустой? Чтобы на аптечном складе, да не было глицерина? Таки да, их есть у нас! Вам сколько надо, молодой человек – пуд, полпуда?

Уши гимназиста вспыхнули.

– Нет, что вы, мне всего семь золотников...

– Всего!.. – скривился приказчик. – К вашему сведению, у нас здесь солидная торговля! Банка с глицерином – два фунта, меньше не продаём. Будете брать?

– Буду, куда ж деться... – вздохнул Матвей, успевший прикинуть, во что ему обойдётся этот «мелкий опт». – А скажите, азотная кислота у вас имеется?

– Азотная кислота? – удивился приказчик. – Имеется, конечно. Только она в вёдерных бутылках, меньше тары нет.

– Не... – гимназист помотал головой, – Это слишком много, мне столько не надо. А скажите, если я зайду со своей бутылочкой – вы не сможете мне отлить? Я заплачу, сколько скажете!

Приказчик снова хмыкнул, на этот раз добродушно.

– Вы что, юноша, думаете, что наше заведение будет делать гешефт на такой незаметной ерунде? Приносите, конечно, отпустим по правильной цене. Только смотрите, чтобы пробка была притёрта, а то пары азотной кислоты – это, знаете ли, та ещё радость. Оно вам надо, я спрашиваю?

– Хорошо, тогда я завтра зайду... – засуетился Матвей, роясь по карманам. – Сколько с меня за глицерин и желатин?

Когда гимназист ушёл, неловко волоча под мышкой покупки и стопку учебников, Шмуль Гуральник проводил его задумчивым взглядом, не забывая скрести пальцами, ногти на которых имели неопрятные траурные каймы, в своей редкой бородёнке. Желатин... глицерин... камфара... азотная кислота? Где он уже встречал этот перечень компонентов?

Ему понадобилось не больше пяти минут, чтобы вспомнить. Сообразив, в чём дело, приказчик зачем-то кинулся к входной двери, вернулся, нашарил листок, на котором были перечислены покупки, сделанные гимназистом и старательно, на мелкие клочки изорвал. И принялся гадать, что он скажет юному прохвосту, завтра, когда тот придёт за кислотой.

А может, лучше вовсе ничего не говорить? Зачем ему эти вырванные годы, как говорит тетя Бася из Егупца? Лучше сказать больным и договориться с Моисеем Левиным, чтобы тот подменил его – тот не знает ни о желатине, ни о глицерине и продаст гимназисту азотную кислоту с чистой совестью.

Приказчик давно лет состоял при аптечной торговле и прекрасно разбирался в химических реактивах. И он, как и любой московский еврей, знал, кто такие Гольденберг и Арончик⁴.

Но разве это его дело? Он, Шмуль Гуральник продаёт людям аптекарские товары, и Бога ради – какой бы этот ни был Бог, оставьте его уже в покое!

⁴ Арончик А.Б. и Гольденберг, Г.Д. – члены террористической организации «Народная воля», подготовившей убийство императора Александра II.

III

Российская Империя

Где-то между Санкт-Петербургом и Москвой.

Поездку в Москву Остелецкий откладывать не стал. С утра, перекусив в студенческом трактире – странный выбор для человека, вполне могущего позволить себе столик в ресторане Николаевского вокзала, но у Вениамина и на это имелись свои резоны. За трапезой он переговорил с тощим молодым человеком в шинели Училища Правоведения, причём правовед что-то горячо втолковывал собеседнику, а под конец, воровато оглянувшись, сунул тому в ладонь сложенный в несколько раз листок.

На том рандеву (несомненно, условленное заранее) и завершилось. Правовед отправился по своим делам; Вениамин же, прикончив порцию яичницы и свежеспеченный крендель, запив всё это крепким чаем, подхватил саквояж и пошёл искать извозчика. До отправления московского экспресса оставалось меньше полутора часов, так что следовало поторопиться.

По истечении этого срока Остелецкий вошёл в синий вагон второго класса, предъявив, как это и полагается, усатому краснолицему кондуктору билет и плацкарту. Тоже, между прочим, невозможное дело для настоящего флотского – строгим, хотя и неписанным сводом правил было категорически не рекомендовано ездить в вагонах второго класса и, конечно, пользоваться конкой. Его же статус офицера по Адмиралтейству позволял и то, и другое; чем он и воспользовался, устроившись у вагонного окна и достав из саквояжа давешний бювар. Поездка предстояла долгая, и потратить время следовало с пользой.

«...Ашинов Николай Иванович. Несомненный авантюрист, получающий искреннее удовольствие от своих затей, буквально упивающийся ими. Причём это относится к любой стороне его жизни – всё в нём противоречиво, всё окутано плотной завесой тайн и мистификаций. Начать хотя бы с происхождения: то он выходец из терских казаков, с отрочества ушедший «гулять» за границы отечества, то некий загадочный «вольный казак» странная для русского слушателя формула, охотно сглатываемая иностранным слушателем, падким до экзотики.

В официальных бумагах Министерства Внутренних дел, он значится то сыном пензенского или саратовского купца, то как мещанин из Царицына, то вообще уроженцем области Терского казачьего войска. Отец его владел девятьюстами десятинами земли в Царицынском уезде, полученной им якобы в подарок от бывшего своего барина, женившегося на его дочери. То есть некоторая авантюрная жилка была у этой семье в крови – и Николай Ашинов унаследовал её целиком.

Будущий «атаман вольных казаков» окончил царицынское уездное училище, поступил в Саратове в казённую гимназию, но окончить её не смог, поскольку был изгнан за неуспехи в учёбе и дурное поведение. Вернувшись в Царицын, он некоторое время зарабатывал верблюжьим извозом, но позже научился извлекать пользу из своего неоконченного гимназического образования – составлял для царицынских торговцев бумаги юридического характера, а иногда даже представлял их интересы в суде.

Но карьера доморощенного адвоката не привлекала прирождённого авантюриста – хотя и помогала добывать средства для сравнительно безбедного существования. Отцовское «имение» к тому времени было продано за долги, и от всех девятисот десятин остался лишь крошечный клочок земли, островок на Волге. Ему-то Ашинов и обязан своей первой скандальной известностью – пока лишь в масштабах уезда.

Дело в том, что царицынские обыватели издавна ловили здесь рыбу, косили сено, заготавливали хворост, и вообще пользовались островком, как общественным владением. Власти, к которым Ашинов обратился с требованием оградить его собственность от вторжения посторонних, защитить свою эту собственность, предпочли уступить; судебная тяжба тянулась долгие месяцы, а тем временем островок оставался проходным двором, где каждый творил, что хотел. И тогда он решился утвердить свои права силой. Он нанял две дюжины дагестанских горцев из числа сосланных в Царицын за участие в восстании, и запретил не только приставать к острову, но даже ловить возле него рыбу. Горцы, которые несли службу ревностно, охотно пуская в ход не только кулаки, но и плети и дрючки, навяли на обывателей такой страх, что те оплывали островок десятой дорогой. Царицын полнился рассказами о свирепых головорезах-кавказцах, подогревавшихся в особенности по ночам, когда всякий желающий мог видеть горящие над тёмной водой костры и слышать протяжные песни на чужом языке, исполняемые гортанными голосами. Это было сущее разбойничье гнездо, и тем более было удивительно, что подобное самоуправство в итоге сошло Ашинову с рук. И эта первая одержанная победа, насквозь пропитанная духом авантюры, убедила молодого человека, что наглость и бесцеремонность могут при правильном подходе привести к успеху...»

Остелецкий отложил листок и взглянул в окно. Апрель давно перевалил за середину, но поля были покрыты снегом, ноздреватым, посеревшим, пропитанным талой водой. По обочинам торчали деревья с чёрными, изломанными, словно костлявые руки мертвецов, ветвями; в стороне то и дело мелькали то домик обходчика, то покосившийся амбар, то кучка изб, крытых почерневшей соломой – придорожная деревенька. Больше смотреть было решительно не на что, и он вернулся к бумагам.

«...Царицынские подвиги Ашинова стали началом его скандальной известности. Через два года он объявился в Петербурге, где принялся ходить по просветительским и благотворительным обществам, а так же по редакциям газет. От того, что он там рассказывал, вытягивались физиономии даже у столичных репортёров, съевших собаку на высосанных из пальца сенсациях. Но – наглость берёт не только города, но и кабинеты главных редакторов; к тому же Ашинов в очередной раз пустил в ход своё незаконченное гимназическое образова-

ние, и «сказочнику», умеющему гладко выстроить свою речь и заинтересовать слушателей, поверили. Не все, возможно – но ведь лиха беда начало?

В самом деле, мудро было принять мюнхгаузеновские байки о казачьей вольнице, триста лет назад гулявшей по южному приграничью, а когда Россия железной рукой навела там порядок – перебравшейся в сопредельные азиатские государства. Если верить Ашинову, то в диких горах Анатолии, Курдистана, Турецкой Армении, в камышовых плавнях Прикаспия и по сей день обитает великое множество «вольных казаков». Они унаследовали образ жизни своих лихих предков: не сеют хлеб, не разводят скот, живут с охоты, рыбной ловли, а по большей части – зарабатывают на существование, нанимаясь в охрану купеческих караванов. И вот этим самым «вольным казакам» надоело скитаться на чужбине и складывать буйны головы за чужие барыши, в неизвестности, далеко от могил пращуров. Считая себя верноподданными русского царя, они решились просить прощения за былые грехи, свои и предков, и просят разрешения вернуться в пределы Отечества, и не куда-нибудь, а на Черноморское побережье Кавказа, где собираются основать новое, Черноморское казачье войско. Сам же Ашинов, человек образованный, но не чуждый духа «вольных людей» и пользующийся их всемерным доверием, взялся представлять интересы «вольных казаков» перед российскими властями – для чего и явился в Санкт-Петербург.

Следующие несколько страниц – на них шла речь об усилиях Ашинова, направленных на реализацию этой затеи, о поисках высокопоставленных покровителей, о первых попытках в привлечении средств через благотворительные и прочие общества, о планах создания в окрестностях Сухума «станции Николаевской», на каковые планы тамошнее начальство выделило двести четвертей муки и тысячу семьсот рублей, каковые ценности были немедленно разворованы, – Остелецкий пролистал без особого интереса. Итог был ему известен: авантюра с Черноморским войском оказалась сплошным надувательством, но обрушившись с громким треском и пылью она, как ни странно, не похоронила под своими обломками своего вдохновителя...»

Состав замедлил ход и остановился, лязгнув вагонными буферами. Со стороны площадки кондуктора послышалось бряканье колокола: «Станция Бологое, стоянка час!» Вениамин сложил бумаги в саквояж, надел шинель и вместе с другими пассажирами направился к выходу из вагона. Ресторан на этой станции, служащей своеобразным водоразделом Николаевской железной дороги, соединяющей старую и новую столицы, не может не быть приличным, да и уму дать некоторый отдых не помешает, вернуть восприятию былую свежесть и остроту и, несколько долгим изучением документов. Когда поезд тронется – он вернётся к этому занятию.

* * *

Российская Империя

Николаевская железная дорога.

Станция Бологое, далее везде.

Три коротких гудка, звон станционного колокола, которым ответило звяканье колокольчика кондуктора – «поезд отправляется!» Залязгали сцепки, застучали реборды на стыках, унылые станционные строения поплыли в окошке назад, уступая место столь же унылому пейзажу, состоящему из серого снега, чёрных голых ветвей, да покосившихся домишек. Вениамин открыл извлечённый из саквояжа бювар, попутно пожалев о слишком уж быстро закончившемся отдыхе. Можно, конечно, попредаваться блаженному ничегонеделанью ещё с полчасика – но в апреле темнеет довольно рано, а при тусклых огоньках вагонных свечей, которые с наступлением сумерек зажигает кондуктор, не очень-то считаешь. ...Это была газетная статья из французского, судя по надписи под рисунком, издания. С литографического портрета на Вениамина смотрел человек в черкеске, с копной буйных волос и широким лицом, обрамлённым густой бородой. Здесь же были приложены несколько вырезок с описаниями внешности Ашинова, данными разными людьми, по-разному к нему относившимися. Вот, к примеру, газетная статья, приводящая слова французского финансиста де Константена, большого поклонника «вольного атамана». *«Выражение его лица было кротким вопреки светлой бороде, которая, соединяясь с волосами того же цвета, делала нимб у его лица и походила на львиную гриву. Его глаза были голубыми, а руки деликатными и женственными».*

Le Progrès Illustré

RÉCRÉATIONS ET JEUX D'ESPRIT

N° 20. — **Jeux de Dames**

Condition de l'Échec annoncé par Saint-P. de la Gazette des Dames.

1	2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31	32
33	34	35	36	37	38	39	40
41	42	43	44	45	46	47	48
49	50	51	52	53	54	55	56
57	58	59	60	61	62	63	64

Mémorandum
Les Blancs jouent et jouent en cinq coups.

Grand Lycée de la Ville de Paris

«Une école de jeunes hommes...»

«Une école de jeunes hommes...»

«Une école de jeunes hommes...»

N° 33. — Enigmes.

«Une école de jeunes hommes...»

«Une école de jeunes hommes...»

LA RUE DE LA RÉPUBLIQUE

L'Épave de la République

«Une école de jeunes hommes...»

«Une école de jeunes hommes...»

SOLUTIONS

N° 25. — **Problème de Dames:**

Blancs	1	Noirs
1	2	3
4	5	6
7	8	9
10	11	12
13	14	15
16	17	18
19	20	21
22	23	24
25	26	27
28	29	30
31	32	33
34	35	36
37	38	39
40	41	42
43	44	45
46	47	48
49	50	51
52	53	54
55	56	57
58	59	60
61	62	63
64	65	66
67	68	69
70	71	72
73	74	75
76	77	78
79	80	81
82	83	84
85	86	87
88	89	90
91	92	93
94	95	96
97	98	99
100	101	102

LE COSAQUE ACHINOFF

La République

«Une école de jeunes hommes...»

«Une école de jeunes hommes...»

N° 37. — Mots carrés symétriques:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Petite Correspondance

«Une école de jeunes hommes...»

«Une école de jeunes hommes...»

Остелецкий покачал головой: это почти поэтическое описание контрастировало с другом, сделанным ашиновским недругом, литератором Лесковым: «Коренастый, вихрастый, рыжий, с бегаящими глазами». А вот как отзывается о нём известный петербургский публи-

цист Валериан Панаев: *«Ашинов, вообще, был редкий тип, необычайной энергии и смелости. Он обладал благородными инстинктами, широким и тонким политическим умом; при грубоватой, по-видимому, манере, у него крылось деликатное сердце. Имея немало врагов и завистников, можно было любоваться остротой и быстротой находчивости ответов, когда он встречался с ними в обществе. Коротко говоря, это была цельная, могучая натура, возмущавшаяся до глубины души всем неблагородным и подленьким, и сверх всего, несмотря на отсутствие образования, имел стремление и вкус ко всему изящному».*

И тут же, рядом с этим панегириком личности «вольного атамана» вырезка из статьи «в «Петербургских ведомостях»: *«Герой крупного и непечатного красноречия, сънававшегося, словно из мешка по адресу всех лиц, которые нраву его несколько препятствовали».*

Да, сделал вывод Остелецкий, противоречив, противоречив во всём – и это при том, что внешне столь несхожие, описания личности Ашинова не так уж и противоречат одно другому. Скажем, когда это склонность к «непечатному красноречию» в русском человеке не могло ужиться бок о бок со стремлением к высокому, изящному и справедливому? Уживается, и даже очень просто – ему ли, флотскому офицеру, не знать этого?

«...Главной целью, которой столь упорно добивался теперь авантюрист, стала аудиенция у цесаревича, атамана всех казачьих войск. Однако тут нашла коса на камень – все попытки проникнуть к наследнику престола терпели неудачу. Ашинов начал терять терпение – в ход пошли безграмотно составленные письма от некоего мифического «войскового круга вольных казаков», собирающегося в полнейшей тайне, где-то в Малой Азии. Авторы этих писем призывали «вольного атамана» наплевать на затею с переселением на Черноморское побережье – «не нужны мы Белому Царю, так и пёс с ним, как-нибудь обойдёмся!», – и вместе с ними покинуть владения персов и османов, перебравшись в Африку, в страну православного чернокожего владыки, абиссинского негуса Иоанна. Здесь же содержалось упоминание о якобы состоявшемся визите посланца французских властей в Алжире, предлагавшем «вольным казакам» щедро хорошо оплачиваемую службу в африканских владениях Третьей Республики. Француза послали подальше – «казаки не наёмники, да ещё и у лягушатников, коих наши предки бивали», – однако намёк был очевиден: Ашинов пытался запугать своих оппонентов тем, что «вольных казаков» могут переманить на иностранную службу, что никак не пойдёт на пользу Российской Империи...»

Ещё в Морском корпусе, изучая на уроках географии карты Африки, раскрашенные в цвета колониальных держав (по большей части, английские и французские, но и бельгийские, португальские, испанские), Венечка Остелецкий испытывал недоумение, даже досаду: отчего среди этой пестроты вовсе нет российских цветов? Те же вопросы, несомненно, возникали у образованных молодых людей, гимназистов, реалистов, кадетов и студентов во всех уголках Российской империи – так что нельзя не признать, что авантюрист Ашинов сделал безошибочный выбор, намечая место для своей будущей «станции». Не только деньги, собранные петербургскими, московскими и нижегородскими благотворителями, не только интересы государства, но и могучая сила, заключённая в воображении и душевном порыве этих сотен, тысяч искренних, полных энтузиазма юношей – вот что запросто могло превратить авантюрную затею «вольного атамана» в реальность.

Остелецкий отодвинул бювар и снова уставился в окно. Так – то оно так, кто бы спорил, но всё же неплохо было бы подкрепить прожект Ашинова и энтузиазм молодых россиян чем-то более существенным. Но время для этого ещё придёт, а пока следовало продолжить знакомиться с личностью вольного атамана. И не только его, как выяснилось – правы, правы французы, с их сакраментальным «Cherchez la femme». Женщину следует искать даже в такой истории – а может быть, как раз и именно в такой...

«...в 1880-м году, через год после окончания столь счастливо завершившейся для России войны с Англией, в армии отменили эполеты для нижних чинов кавалерийских полков. Не

успели драгуны и уланы распрощаться с остатками былой роскоши наполеоновских времён, как грянула новая беда: вышел указ о расформировании гусарских полков. Узорные чакчиры, ишитые золотом и серебром ментики с доломанами, заставлявшие трепетать сердца барышень – всё это разом кануло в небытие, оставшись на страницах романов да в воспоминаниях. Но свято место пусто не бывает, и дамы устремили свои взоры на казаков, чьи мундиры сохранили прелесть ушедшей эпохи. Конечно, бородачам-станичникам далеко до гусар по части галантной науки, но и они заняли почетное место в романтической хронике конца 19-го века. Газеты тогда пестрели заметками о брачных аферистов, двоеженцев, выдававших себя за казаков. Вот и Ашинов подсуетился – вскружил голову сестре известного киевского миллионера.

Прочитав краткую характеристику этой девицы, Остелецкий не смог сдержать усмешки: да, парочка подобралась что надо. Спутница атамана ничуть не уступала в авантюризме своему супругу. София Ивановна Ханенко (кстати, праправнучка гетмана Правобережной Украины) подражая европейским аристократкам минувших веков вознамерилась путешествовать в мужском костюме – и она в самом деле повсюду сопровождала Ашинова в одеяниях пажа или слуги.

Молодожёнов тянуло в дальние страны. Эксцентричных супругов, попугайски разряженного казака и родственницу миллионщика в облике юного «пажа», встречали во многих городах арабского Востока и юго-восточной Африки. Прежние киевские знакомые считали чету Ашиновых буйнопомешанными – они не понимали, что заставляет подобных этим двоим людей оставлять удобную городскую жизнь и годами глотать пыль далеких дорог. Киев к такому не привык, а вот в Европе таких эксцентричных типов было предостаточно, стоит вспомнить хотя бы душевного друга Вениамина, барона Грече и его жену Камиллу. Они тоже способны были вдруг, ни с того ни с сего, отказаться от устроенной, комфортабельной жизни (хотя, по большей части, охотно пользовались её благами) и отправиться куда-нибудь на край света, в дикие горы или африканскую саванну. Или, как в случае с четой Грече – вокруг мыса Горн и дальше, к охваченному войной западному побережью южноамериканского континента⁵.

Ашиновы побывали во многих странах, но более всего их привлекала Абиссиния, древняя православная страна, жители которой веками боролись за веру своих предков. Во французской колонии Джибути супруги познакомились с абиссинскими монахами-паломниками, и Ашинов, всего за два месяца, составил первый русско-абиссинский словарь. Супругу же «атамана» глубоко поразил облик вождя местного полукочевого племени Магомета-Лейту. «Вылитый Александр Сергеевич Пушкин!» – объясняла позже София восторженным киевским и петербургским знакомым, – ведь предки поэта тоже были родом из Эфиопии!

Сам Лейту, человек широкой натуры, был польщён подарками гостя из России и предложил Ашинову побрататься. Тот, разумеется, согласился. Две недели новоиспечённые побратимы пьянствовали на российский манер, а в перерывах между попойками гоняли по равнине верхом, осматривая и владения «черного Пушкина». Заодно – заглянули в заброшенную крепость Сагалло, стоящую на берегу залива Таджура, недалеко от города Обок. Там хозяйничали французы, и Лейту, с подозрением относившийся к этой нации, отказался продавать им свои земли, но всё же позволил водрузить над развалинами Сагалло флаг Третьей Республики.

⁵ Эти события подробно описаны в третьей книге цикла, «Курс на Юг».

Но это было делом давним – теперь же, в порыве великодушия, подогретый водочными парами, воздъ подарил Сагалло и окружающие земли своему побратиму. Казак проникся – и в благодарность посулил абиссинскому воздью восемь тысяч русских винтовок военного образца, чем окончательно привёл Лейту в восторг.

Игра, таким образом, намечалась вполне серьёзная – Ашинов примерял на себя роль предводителя заморской колонии с портом, крепостью и восьмитысячным отважным союзным войском. Он имел уже некоторый опыт организации казачьих поселений – в 1879-м году, сразу после победоносного окончания войны, он затеял и с треском провалил попытку воссоздания Черноморского казачьего войска. Тогда дело кончилось громким скандалом и многочисленными

обвинениями в растратах, но теперь-то всё просто обязано было сложиться иначе! Вольный атаман уже видел себя эдаким абиссинским Ермаком, готовым поклониться царю африканской земли, а то, что новые подданные, в отличие от сибирских инородцев и татар Кучума принадлежали к православной (ладно, монофизитской, но кто станет вникать в подобные тонкости?) вере, делало затею ещё привлекательнее. «Новая Запорожская Сечь» на берегах Красного моря – что может быть веселее? «Сарынь на кичку» – и берегитесь, британские пароходы!

Впрочем, так далеко планы Ашинова не заходили. Война, как и было сказано, закончилась; заключённые договора снова сделали океаны свободными для морской торговли. Тем не менее, рассуждал «вольный атаман», русское морское ведомство наверняка заинтересуется перспективой устроить в заливе Таджургу угольную станцию для клиперов и броненосных фрегатов, отправляющихся на Дальний Восток – благо недавняя морская кампания, выигранная с таким блеском, подтвердила эффективность российской военно-морской доктрины.

Свою африканскую авантюру Ашиновы начали с переименования Сагалло в станцию «Новая Москва». В наскоро сооружённых возле крепости хибарах обосновались десяток казаков из «атаманского конвоя»; французский флаг, давно уже выгоревший под абиссинским солнцем, содрали, как ненужную тряпку, и на его месте подняли свой флаг в виде бело-сине-красного полотнища, пересечённого жёлтым Андреевским крестом.

Скандал разразился изрядный. Французские газеты наперебой возмущались выходкой «*furieux Cosaque Ataman*»⁶. Сам же Ашинов, который предпочёл на время покинуть африканский континент, появился в Киеве и имел там оглушительный успех. Обыватели с Крещатики наперебой рассказывали друг другу, что в Новой Москве уже четыре сотни казаков; что основатель станции был принят самим императором эфиопов Иоанном IV и везет с собою на воспитание дочь и наследника эфиопского престола, что его сопровождают черные монахи с письмом своего монарха к царю Александру Третьему.

Ашиновы всячески старались поддерживать эти слухи. Они на самом деле привезли с собой «племянницу негуса» по имени Оганесс. Нашлись, правда, злые языки, утверждавшие, что смуглоликая барышня никакая не родственница абиссинского императора, а девица по имени Аришка, которую София Ашинова подобрала в Константинополе, новой столице только что учреждённого государства Юго-Славия, где на троне сидел родной брат российского императора – и взяла оную особу в услужение. Но это уже не имело значения – восторженную толпу не смущал даже вполне приличный русский язык «эфиопки». А уж атаман продемонстрировал киевской публике самых настоящих «абиссинских священников», последние сомнения отпали.

⁶ (фр.) неистовый казачий атаман

Правда, и тут нашлись Фомы неверующие, утверждавшие, что один этих священнослужителей – поп-расстрига откуда-то с Кубани, но таким уже никто не верил. Да и как

верить, если сам киевский митрополит Платон произнёс пылкую речь в защиту абиссинского «проекта»? Да что там митрополит – Ашинов ухитрился стать своим человеком в окружении будущего премьер-министра Витте, служившего тогда в Киеве по путейской части.

В это же время же «вольный атаман» близко сошёлся с редактором газеты «Киевское слово» профессором Антоновичем. Его дом на Новой Владимирской быстро превратился в своеобразный штаб абиссинской экспедиции. У профессора собирались сливки киевского общества – сановники, профессора, финансисты, обладающие немалым весом и в Санкт-Петербурге. Так что, когда несколькими месяцами спустя, Ашинов отправился в Санкт-Петербург, он точно знал, что следовало говорить министрам и что можно просить у царя.

Поистине, смелость – или наглость – города берёт! Ашинова, разумеется, не удостоили встречи с императором, не того полёта была птица, однако, кое-кто в окружении венценосца с благосклонностью принял проект абиссинской кампании. Не нашлось особых возражения и против другой, не менее важной части проекта – он позволил Синоду направить с Ашиновым духовную миссию из четырёх десятков монахов во главе с отцом Паусием. А главное: ему разрешили открыть по всей стране сбор средств в пользу абиссинского духовенства и церквей, а так же запретили любые препятствования набору волонтеров и переселенцев для станции Новая Москва. Столичная публика тем временем зачитывалась статьями о поселениях «православных казаков» в Африке; «Современные известия» на полном серьёзе писали:

«Ермакъ и Кольцо триста лѣтъ тому назадъ поклонились царю Сибирию, нынѣ вольныя казаки, тѣ же и такіе же, кланяются Русскому Царю Абиссинію. Продолжаютъ онѣ славить русское имя, являть русское мужество и на верховьяхъ Нила, и въ пустыняхъ Судана, и въ пажитяхъ Месопотаміи».

А известный путешественник, доктор Елисеев, припоминал, что

«...еще въ 1882 г., въ бытность мою въ Египтъ, я слышалъ о нашихъ казакахъ, пробирающихся въ Абиссинію и кое-гдѣ живущихъ среди бедуиновъ Суакимской пустыни. Съ 1883 г. начинается болѣе постоянное движеніе вольнаго казачества на Востокъ черезъ Анатолію, Палестину и Суэцкій перешеекъ...»

Петербургская эскапада Ашинова имела и другой результат, едва ли не самый важный, о котором Ашинов знать не мог. Его затея привлекла пристальное внимание графа Юлдашева, руководителя департамента военно-морской разведки, и теперь доверенный помощник графа Вениамин Остелецкий катил в Москву, чтобы самому присмотреться к «атаману».

По результатам этих «смотрин» и будет приятно решение: зарубить ли затею на корню, или всё же оказать поддержку этому несомненному, хотя и талантливому авантюристу? Разумеется, устраивать его встречу с Государем Юлдашев не собирался, а вот сделать так, чтобы Ашинов получил необходимые средства, оружие, судно, способное доставить его «переселенцев» в Африку – это дело другое, это вполне по силам возглавляемому графом ведомству. Причём повернуть всё предстоит без лишнего шума. Пусть публика считает, что это своего рода частное предприятие, а уж что выйдет из него дальше – это, как говорят в Одессе, из которой Ашинову предстоит отправиться в свой африканский вояж, будем посмотреть...

IV

Москва, Воронцовская улица, дом мещанина Фаддея Анисимова.

На заднем дворе дома номер пять по Воронцовской улице приткнулся к стене деревянной сарайчик. Его уже много лет не использовали по прямому назначению – законный владелец дома соорудил новый, более обширный навес ближе к чёрному ходу, через который таскали дрова для кухни, и сарайчик отошёл Матвею. Раньше он хранил там сокровища, бесценные для всякого мальчишки; позже к коллекции стали добавляться старые журналы и книги, которые юноша не хотел держать дома. Фаддей Лукич, по роду своей деятельности привыкший проявлять внимание к тому, что хранят и прячут окружающие тюремный надзиратель, как-никак! – ни разу не поинтересовался, чем занимается сын в стареньком сарайчике. Видимо, бдительности тюремному надзирателю хватало и на службе; в результате Матвей получил в своё полное и безраздельное владение несколько квадратных аршин под щелястой крышей, на которых мог делать всё, что душе угодно.

pastvu.com/15340 uploaded by aznzn

Со временем в сарайчике появился старый стол, приспособленный под верстак, кое-какие инструменты, а в земляном полу Матвей с помощью своего приятеля-реалиста Коли Вяхирева выкопал и оборудовал тайник глубиной в половину человеческого роста. Это было необходимо, ведь узнай Фаддей Лукич о содержимом тайника... нет, Матвей даже думать об этом не хотел. Сейчас в тайнике хранилось несколько картонных коробок, стеклянных банок, а так же бутылка с мутной жидкостью – результат похода на аптечный склад. Когда Матвей вернулся туда на следующий день, ему без всяких возражений наполнили принесённую емкость азотной кислотой «крепкой водкой», как выразился приказчик. Он, правда, был не тот, что вчера, но какая, в конце концов, разница? Химикаты есть химикаты, кто бы их не продал...

В ящиках на самом дне тайника скрывалось ещё несколько коробок; Матвей извлёк их одну за другой, сложил в углу сарайчика, аккуратно закрыл крышку, слегка присыпав её зем-

лэй. Конечно, отец не заходит сюда, но... мало ли? Хотя снаружи, за поленницей, дежурит Коля Вяхирев; если что, он свиснет, и Матвей постарается скрыть следы.

Объяснение на подобный случай было у него заготовлено заранее – на верстаке разложены гимназические тетради, учебник по химии и книга «Занимательные опыты». Отец испытывал немалое уважение к учёности сына и, слава Богу, ничего не понимал в химии. А уж сам Матвей загодя наплёл отцу о том, что занимается в школьном химическом кружке и готовится к неким загадочным «испытаниям».

Ладно, пора браться за дело. Для начала – гремучая ртуть, она же ртутная соль фульминовой кислоты. Вещество, употребляемое для начинки ружейных капсюлей и запалов бомб, а именно запал собирался изготовить сегодня Матвей.

Прежде всего, для этого нужна ртуть. С ней проблем не возникло, правда пришлось пожертвовать тремя лабораторными термометрами, похищенными из кабинета химии. Вот ещё одна польза от химического кружка! Учитель пускал «кружковцев» в лабораторное помещение, так что стянуть термометры оказалось проще простого. Заодно Матвей прихватил коробочку с лабораторными весами и набором разновесок. Сейчас пригодились и они – процесс требовал точнейшей дозировки ингредиентов.

Капля тяжёлой металлически блестящей жидкости весила ровно пять граммов – гимназический «химик» приучил своих учеников пользоваться французской, то есть метрической системой. Матвей перелил ртуть в большую пробирку, добавил туда азотную кислоту. Перемешал содержимое пробирки заранее приготовленной стеклянной палочкой, нагрел на синем

пламени спиртовки. В растворе появились пузырьки и он начал зеленеть – наступил момент растворения природной серебряной амальгамы.

Юноша осторожно, по капле, перелил раствор в большую колбу. Жидкость (это был этиловый спирт) занимала только треть объёма; когда первые капли раствора попали в стеклянный пузырь, его затянуло красноватыми парами. Матвей тщательно закупорил колбу и приготовился ждать.

Примерно через полчаса красные пары приобрели белый цвет – процесс вступил в конечную стадию. Матвей выдернул пробку и долил в колбу дистиллированной воды. Теперь предстояло отфильтровать раствор и промыть готовый продукт, удаляя следы кислоты.

Весь процесс занял не более полутора часов. Теперь распоряжении Матвея были полтора листа влажной промокательной бумаги, покрытые мелкими белыми кристаллами. Это и была гремучая ртуть; гимназист аккуратно пристроил листы на полку под самой крышей сарая, где им предстояло сохнуть. Потом он соскоблит кристаллики кусочком бумаги – щепкой, ни в коем случае не ножом! – и сыплет в крошечную круглую коробочку из-под гомеопатических пилюль.

Пора было переходить к следующему этапу. Матвей спрятал бутылку с кислотой, тщательно ликвидировал следы химических опытов и выложил на верстак жестяную коробку, пару пустых консервных банок, ножницы для резки металла и медный паяльник в форме заострённого молоточка.

Идея кислотного взрывателя очень проста. Разумеется, о его конструкции нельзя прочитать в журнале «Нива», но ведь именно для этого и существуют товарищи по борьбе, верно? Пачку тетрадных листков с подробным изложением всего, что касалось изготовления опасного устройства, две недели назад передал Матвею Аристарх. Гимназист не стал интересоваться, где студент «технологички» раздобыл эти сведения – борцы с тиранией должны строго придерживаться правил конспирации. А это значит: никаких лишних вопросов, каждый знает только то, что необходимо для дела, и никак иначе!

Вместе с инструкцией студент передал Матвею плоскую жестяную коробочку. В ней, завернутые в вату, хранились четыре стеклянные трубочки особой формы – единственный элемент, который Матвей не мог изготовить самостоятельно. Для этого, кроме профессиональных навыков, нужны были ещё и стеклодувные приспособления; Аристарх как-то упомянул, что трубочки с двумя дутыми шариками на концах изготовлены в Финляндии, в подпольной мастерской. Один из шариков был сплошной, в другом было оставлено отверстие. Через него трубочку предстояло наполнить кислотой, на это раз серной, а потом закупорить. Для этого понадобится крышечка, аккуратно вырезанная из листовой меди, и самый обыкновенный паяльник. Молодой человек уже освоил эту нехитрую операцию на обычных пробирках, втихоря позаимствованных в том же химическом кабинете. Паяльник и всё необходимое для пайки он приобрел на Сухаревке.

Трубочке с кислотой предстояло стать сердцевинной запала. Для взрыва («детонации», как написано в инструкции) достаточно одного, но для надёжности рекомендовалось изготовить два. Трубочек было четыре – две пойдут на «рабочие» запалы, а одну предстоит использовать для проверки конструкции. Оставалась четвёртая, запасная, но Матвей рассчитывал, что она не понадобится.

Полтора часа ушло на то, чтобы большими ножницами вырезать из старой консервной банки несколько прямоугольных кусков жести строго отмеренных размеров и формы. Ещё минут двадцать Матвей пыхтел, выгибая их по схеме, а потом взялся за паяльник. Паять жечь куда проще, чем медь со стеклом; три жестяных цилиндрика длиной в полтора пальца и диаметром, достаточным, чтобы в них точно вошёл шарик на конце запальной трубки, были скоро готовы. С одного конца каждый из цилиндриков теперь был запаян, другой оставался открытым.

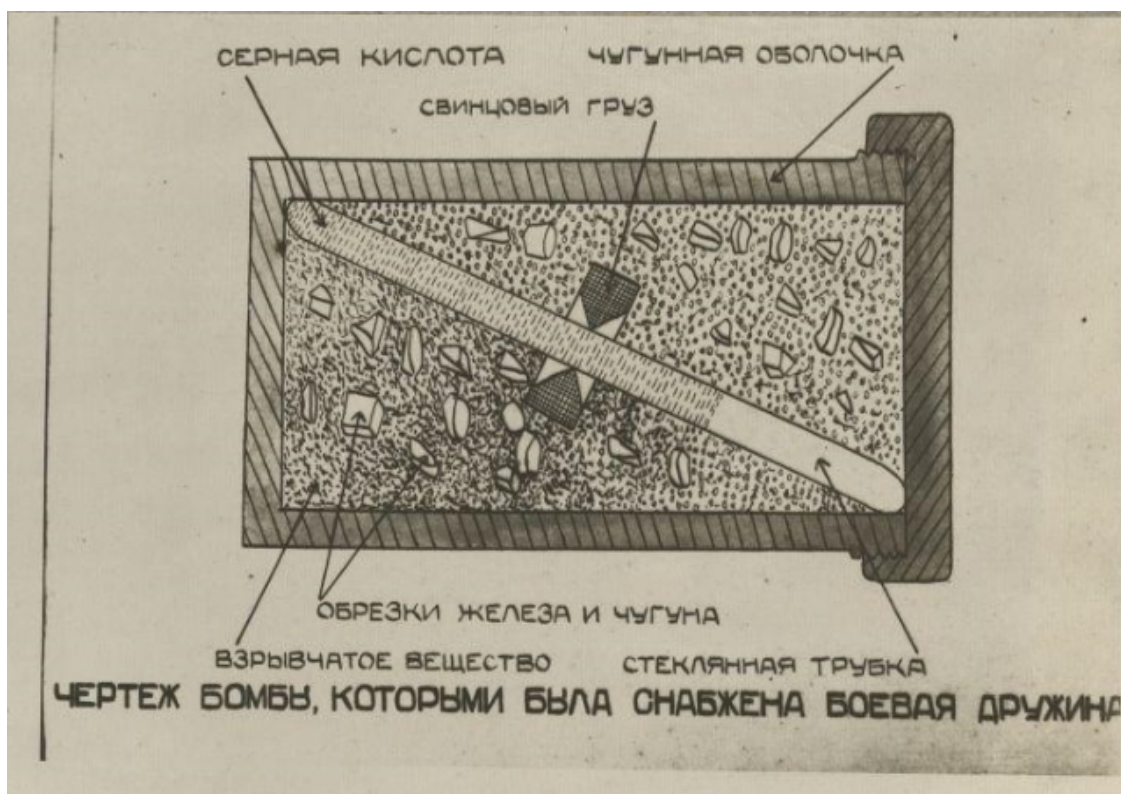
В «пробную» трубочку вместо кислоты он налил воду и ещё несколько минут возился с паяльником. Потом отложил запаянный сосуд на заранее подготовленную тряпицу и принялся рыться в ящике.

На свет появились два куска свинца. Матвей отлил их из старой вагонной пломбы – чтобы раздобыть её, им с Николаем пришлось вечером пробираться на запасные пути железнодорожной станции. Форма для отливки представляла собой толстый диск с отверстием посередине. Когда готовая деталь остыла, юноша проточил по внешней стороне желобок, а потом разрубил готовое изделие надвое. Потом сложил обе половинки вокруг запальной трубки, после чего аккуратно, чтобы не раздавить хрупкую штучку, обмотал проволокой и закрепил. Теперь свинцовая чушка охватывала трубочку, но не плотно, а с зазором – так, что могла свободно скользить по ней от одного шарика до другого. С полученным изделием следовало обращаться еще осторожнее – стоит сделать резкое движение, и грузик раздавит хрупкое стекло. А ведь там будет кислота, напомнил себе Матвей, и она может обжечь руки, даже если не вступит в реакцию с другими компонентами запала.

Диаметр грузика оказался подобран верно – собранное устройство точно входило корпус запала, а именно ими и были только что спаянные жестяные цилиндры. Матвей затолкал в один из них ватный шарик, насыпал поверх него немного зубного порошка. Потом, задержав от старательности дыхание, осторожно ввёл внутрь запальную трубку с грузиком. Оставалась заключительная операция: обернуть заранее подогнанную пробковую затычку медной фольгой и плотно заткнуть жестяной цилиндр.

Положив готовый, пока ещё холостой, запал на столешницу, Матвей провёл рукой по лбу. Он вспотел, руки едва заметно дрожали. А ведь это никуда не годится, упрекнул себя гимназист – что-то будет, когда место воды, зубного порошка и безобидной ватки займут гораздо более опасные вещества? Нет, надо работать над собой, без хладнокровия нет настоящего революционера.

Самая деликатная часть процедуры была позади. Матвей обернул «запал» ватой, уложил в коробку из-под монпансье, плотно обвязал бечёвкой, стараясь не трясти «бомбу» – и, несильно размахнувшись, швырнул её в угол. Ничего не произошло, но Матвей ничего и не ждал. Он торопливо (теперь можно было не деликатничать!) разрезал бечёвку, вытряхнул на ладонь жестяной цилиндр, зубами выдернул пробку. На ладонь посыпалось стеклянное крошево, за ним последовал свинцовый грузик. Матвей куском проволоки извлёк на свет ватный шарик – тот слипся от впитавшего воду зубного порошка. Отлично, подумал гимназист, всё сработало так, как и должно было сработать! Хотя – разве могло быть иначе? Он ведь в точности следовал инструкции, тщательно проверяя результаты каждой операции.

Будь в трубке кислота, она, стоило свинцовому грузу, раздавить стекло, тут же попала бы на смесь бертолетовой соли с сахаром. Смесь воспламенялась и, в свою очередь, производила взрыв заряда гремучей ртути – его при опыте заменял ватный шарик – а от него уже предстояло сработать самой бомбе.

Оставалось получить последний запала ингредиент, бертолетову соль. Простейший химический опыт: пропустить хлор через калиевый щёлок, и готово. Это можно сделать в кабинете химии; одноклассники Матвея не раз делали нечто подобное, мастеря самодельные петарды. Матвей сложил готовые жестяные цилиндрики в коробочку, тщательно упаковал стеклянные трубочки и выглянул наружу.

Вечерело. На дворе легли глубокие осенние тени. Реалист-караульный сидел, нахохлившись, на старом тележном колесе и играл с рыжим котёнком. Матвей недовольно скривился часовой называется! Но от замечания воздержался – в конце концов, товарищ провёл на посту больше трёх часов, тут кто угодно одурет от скуки...

– Коль, я закончил! Иди сюда, поможешь!

Им предстояло ещё убрать все следы сегодняшней работы, присыпать землёй крышку тайника и, для верности, завалить её всяческим хламом. Матвей был доволен: половина работы сделана. Оставалась самая опасная её часть. Её он отложил на потом – во-первых из-за того, что инструкция не рекомендовала долго хранить опасную смесь в готовом состоянии, а во вторых, если уж быть честным, он попросту боялся взяться за столь деликатное дело. Возню с запалом можно было объявить любопытством или, на крайний случай, сравнительно безобидной шалостью – какой гимназист не пробовал соорудить петарду и взорвать её в кабинете, скажем, латиниста? А вот изготовление взрывчатой начинки бомбы – дело другое. Если до сих пор вся «революционная деятельность» Матвея и его товарищей сводилась, в общем, к безобидной болтовне, то, стоит начать работать с гремучим студнем – и всё, дороги назад уже не будет...

Матвей ещё раз перечитал инструкцию. Он уже понял, что большая её часть – это невежливо как попавшие в руки товарищей по борьбе выдержки из полицейского отчёта о деле народолюбца Кибальчича, того, кто изготовил бомбу для царя-освободителя:

«...Всѣ эти свойства были отлично изучены тѣми, которыя рѣшились примѣнить ихъ къ снаряду, употребленному для выполненія преступнаго замысла: онѣ взяли гремучій студень съ камфорою. Для воспламененія была употреблена гремучая ртуть, огонь для которой долженъ былъ сообщиться стопиномъ, питаннымъ бертолетовой солью и антимоніемъ. Для сообщенія гремучей ртути огня воспользовались свойствомъ стѣрной кислоты....»

А ведь он собирается сделать именно это, не так ли? И значит, виновен в «преступном замысле»; чтобы довести его до конца, осталось одно – получить гремучий студень. Что ж, для этого всё готово, и он точно знает, что надо делать.

Кстати, напомнил себе Матвей, надо не забыть и подробно описать всё, что было сегодня сделано, в дневнике. Он начал вести записи вскоре после того, как познакомился с Аристархом и увлёкся идеей революционной борьбы. Однажды этот дневник станет бесценным историческим документом, его завещанием, оставленным грядущим поколениям борцов с тиранией!

* * *

*Москва,
Большая Бронная.
Спустя два дня*

Апрель насылал на Москву шеренги свинцово-серых туч. Он трепал оборванные афиши на тумбах, рвал зонтики из рук прохожих. На улице было по вечернему сумрачно; мутно-серый сумрак царил и на душе у Матвея. Он брёл по булыжной мостовой Большой Бронной, подняв воротник гимназической шинели. Ветер гнал перед ним скомканный газетный лист, и от этого, веяло такой беспросветной тоской что хотелось завывать в голос. Дела были хуже некуда – и даже ещё хуже, если это вообще возможно...

Отец, раньше не проявлявший интереса к сарайчику-лаборатории, неожиданно нагрянул туда с инспекцией. Нет, он не нашёл подпол с запасом химикалий и лабораторным оборудованием. А хоть бы и нашёл – он всё равно ничего бы не и понял в бутылках с реактивами и тонком химическом стекле. Нет, дело обстояло хуже: он выудил из-за верстака пачку брошюр, одного названия которых, «Катехизис революционера», отпечатанного на обёрточной бумаге слепым шрифтом, хватило, чтобы повергнуть надзирателя Таганской тюрьмы в ужас. А стоило наугад прочесть хотя бы несколько строк...

Революционеръ вступаетъ въ государственный, сословный и такъ называемый образованный миръ и живетъ въ немъ только съ цѣлью его полнѣйшаго, скорѣйшаго разрушенія. Онъ не революционеръ, если ему чего-нибудь жаль въ этомъ мирѣ, если онъ можетъ остановиться передъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого-нибудь человека, принадлежащаго къ этому міру...

Фаддей Лукич поймал сына во дворе – тот спустился по чёрной лестнице, и насвистывая легкомысленный мотивчик, направился к сараю. Стоило Матвею увидеть налитые яростью глаза отца, как мелодия замерла у него на губах, а в следующий момент он полетел в пыль, сбитый могучей оплеухой. На вопли из дома выбежали мать с кухаркой – и повисли на разъярённом Фаддее Лукиче, как собаки на медведе. Если бы не они, Матвей вряд ли отделался бы ссадинами и синяками – рука у тюремного надзирателя была тяжёлая.

Домой возврата нет, это ясно. Гимназию тоже придётся оставить – хотя, даже подумать то том, чтобы отшпилить с фуражки кокарду с острыми листочками и донашивать шинель с крючками вместо нарядных, блестящих пуговиц, Матвей не мог. Так ходили экстерны и исключённые гимназисты, и это был ужасный позор в глазах одноклассников и знакомых.

«Каких ещё знакомых? – оборвал себя Матвей. – Всё равно из Москвы придётся уезжать. Нет, не уезжать – бежать, скрываться!..» Аристарх как то сказал, что в случае «провала» одного члена организации, остальным придётся пуститься в бега. А ведь сегодняшнее печальное про-

исшествие – это и есть провал, не так ли? Значит, самое время просить совета у старшего товарища.

В Чебышах его ждал новый удар: Аристарх уже два дня не появлялся на квартире. Настроения студента-технолога ни для кого здесь не были секретом; считалось, что если такой человек исчезает – то у него есть на то причины. На Матвея с его расспросами поглядывали с подозрением: «А ты, мил-человек, почему и зачем интересуешься? – читалось на лицах местных квартирантов. – Может, сейчас побежишь доносить?»

Матвея это не удивило: Аристарх не зря постоянно твердил о необходимости конспирации. Но вот что делать дальше, гимназист решительно не представлял. Пока же он попросту механически переставлял ноги по мостовой Большой Бронной, и на душе у него было так же сумрачно и беспросветно, как в осеннем московском небе. В мелочных лавочках уже зажигали керосиновые лампы, и на мокрый булыжник ложились жиденькие жёлтые блики.

– Матвей! Вот ты где! А я уж пол-Москвы обегал! Колька Вяхирев бежал навстречу. Пальто нараспашку, смятая фуражка зажата в кулаке, на физиономии сложная гамма тревоги и радости. – Ты... это... домой не ходи, не надо! У меня переночуешь, я родителей предупредил.

Пять минут назад Матвей и сам решил, что нипочём не вернётся домой. Но теперь Колькины слова задели его за живое. Он собрался было протестовать, но Вяхирев не дал и рта раскрыть:

– Я, как узнал, что ты засыпался – так сразу на ваш двор. Ну, думаю, Фаддей Лукич всё из сарайчика на помойку снесёт. А поди ж ты, ничего не тронуту! Раз так – надо спасать лабораторию! Дождался, когда все со двора уйдут, и стал таскать за поленницу...

– погоди, горячка... – Матвей ухватил Кольку за пуговицу. Почему мне домой нельзя?

– А я разве не сказал? – удивился приятель. – Вся улица говорит: как ты убёг, Фаддей Лукич уж так расшумелся – и прибить сулил, и жандармам отдать, чтобы тебя в Сибирь отправили. Уж и матушка твоя в ногах у него валялась, уговаривала – ни в какую! В околоток пошёл, ежели вернёшься, беда будет!

Матвей ссутулился и ещё глубже втянул голову в плечи. Некоторое время ребята шли молча. На углу Большой Бронной и Сытинского ветер трепал отклеившийся угол листка на массивной тумбе. «Горя от ума» Театра Корша, плакатик: *«Бальный, музыкальный и увеселительный вечеръ въ пользу оркестра капельмейстера г-на Страуса съ великолѣпною иллюминаціею и блистательнымъ фейерверкомъ».*

А это что?

Матвей замер. Он уже видел это объявление в «Ниве»: *«Московское купеческое товарищество... проведение лекцій... іеромонахъ... атаманъ... запись желающихъ отправиться въ Абиссинію...»*

Лекция как раз сегодня, полчаса осталось. Хотел ведь пойти, а тут эта история с сарайчиком...

– Коль, пошли, а? Полчаса осталось, ещё успеем!

Вяхирев не торопясь, рассмотрел афишу. Кивнул. Он привык к неожиданным идеям товарища.

– Пошли, если, у тебя лишний двугривенный найдётся. А то у меня, блоха в кармане да вошь на аркане.

Матвей ожил, от недавней тоски не осталось и следа.

«Вот он, выход! Раз домой нельзя, попрошусь с Ашиновым, ему понадобятся храбрые, образованные люди!»

Планы расправы над негодяем Скрынниковым, отцовские побои, пропажа Аристарха, и даже маячащая на горизонте тюрьма – всё ушло второй план. Матвей уже видел себя храбрым путешественником, пробирающимся через саванну с верным карабином Снайдера на плече и в пробковом шлеме – как на картинке в журнале «Нива», изображающей знаменитого путе-

шественника Ливингстона. А через много лет, он, овеянный славой первопроходца, вернётся домой, бросит на пол шкуру собственноручно застреленного льва – и посмотрим, кто посмеет поднять на него руку!

Внезапно Матвей остановился, и Колька с разгону налетел на его спину.

– Ты, вроде, сказал, что перетаскал всё из лаборатории?

– Да говорю же, всё, как есть! Две бутылки только остались, с азотной кислотой и глицерином. Запалы, реактивы для гремучего студня – всё цело. Сегодня ночью к нам на чердак снесу, спрячу.

– Цело, значит... – повторил Матвей. – Что ж, тем лучше. Пошли!

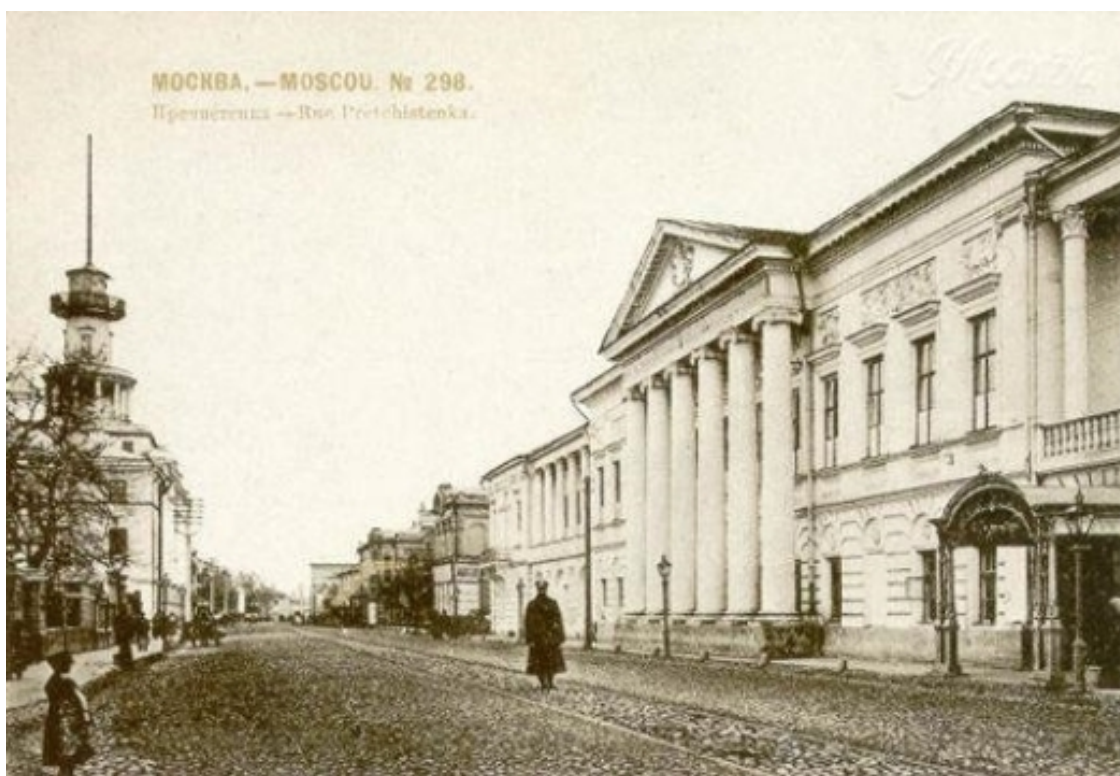
Отправляющимся в Абиссинию наверняка не помешает опытный взрывник – тем более, со своими запасами.

V

Москва,

Пл. Пречистенские ворота

Вениамин извлёк из кармана брегет, щёлкнул защёлкой – в глаза ему отскочил весёлый солнечный зайчик, такой же ярко-рыжий, как тонкий слой позолоты на внутренней поверхности крышки. До начала лекции Ашинова оставалось ещё часа полтора; устроители, купеческое благотворительное товарищество и Императорское Палестинское православное общество, сняли для неё зал в помещении Политехнического музея, что на Пречистенке. Здесь нередко проводились разного рода публичные собрания – публичные лекции, выступления поэтов, литераторов, общественных деятелей, коих в последнее время в обеих столицах Империи развелось, хоть пруд пруди. Можно было в ожидании посидеть в кофейне или ином заведении, ориентированном на «чистую» публику – в центре Москвы их хватало, но у Остелецкого оставалось ещё дело, разобраться с которым желательно было бы до лекции.

Речь шла о письме, переданном ему в Петербурге тощим правоведом. Несмотря на драматически обставленный процесс передачи из рук в руки, ничего «революционного» или даже «вольнодумного» эта бумага не содержала – в ней была всего лишь рекомендация штабс-капитана по Адмиралтейству Остелецкого некоему Аристарху, студенту Императорского Московского технического училища, от его кузена. А так же просьба: «свести подателя сего со знакомыми упомянутому Аристарху особами, собирающимися присоединиться к «известной африканской экспедиции» – ровно так и было написано в письме каллиграфическим крупным почерком, коим всегда славились «чижики-пыжики», как прозвали студентов столичного Училища Правоведения за зелёные с жёлтыми обшлагами мундиры и шинели.

История этого «послания» была довольно проста. За несколько дней до памятной беседы с Юлдашевым, Остелецкий как раз сидел в известном нашему читателю трактире в «Латинском

квартале», и не один, а в обществе нескольких местных обитателей, причём речь зашла как раз о лекциях Ашинова, о которых тогда говорил весь Петербург. Тощий правове́д тоже был в числе сидящих за столом – он-то и упомянул о своём двоюродном брате, писавшем ему, что среди московских студентов немало таких, кто, разочаровавшись в перспективах в пределах отечества, готов хоть сейчас попытаться счастья в Абиссинии.

Тогда Остелецкого авантюра «вольного атамана» не интересовала совершенно; но цепкий ум разведчика взял этот факт на заметку – просто так, на всякий случай. И когда тема всплыла в разговоре с графом Юлдашевым, Вениамин припомнил и недавнюю беседу, и «чижика-пыжика» с его кузеном. Возвращаясь на свою квартиру от «Дона» он заглянул на в трактир, переговорил коротко с тощим правове́дом – и наутро, перед тем, как отправиться на Николаевский вокзал, получил от него требуемое письмо с рекомендациями, каковое и намеревался теперь пустить в ход.

Не то, чтобы Вениамин загодя, задумал какую-то операцию и собирался обзаводиться агентурой. Нет, так далеко его планы не простирались – скорее это была простая предусмотрительность, на случай... он и сам толком не знал, какой. Интуиция, однако, подсказывала, что походом на лекцию дело не ограничится, и если, в самом деле, придётся отправиться в Африку, не вредно будет иметь рядом спутников— образованных, молодых, энергично, и, что немаловажно, движимых вполне определёнными, насквозь ясными побуждениями. А ведь если побуждения человека понятны – то и управлять им несложно, не так ли?

Имелась, однако, завычка – искать упомянутого Аристарха предлагалось не где-нибудь, а в «Чебышах», месте насквозь сомнительном, и появляться там человеку даже в сравнительно «демократичном» мундире офицера по Адмиралтейству не стоило. Остелецкий снова глянул на часы – от Пречистенки до Большой Бронной на извозчике минут десять; ещё столько же потребуется на дорогу назад. Таким образом, на то, то, чтобы обставить должным образом появление в «Чебышах», а так же на собственно беседу с кузеном правове́да, у него будет не более часа-полтора. Не так много, с учётом того, что Аристарха может не оказаться на месте – тогда придётся расспрашивать соседей, потом разыскивать, колесить на извозчиках по городу... Впрочем, это не так не страшно – в конце концов, к началу лекции можно и опоздать, самое интересное развернётся после её окончания, когда Ашинов будет записывать желающих присоединиться к его мероприятию. Пожалуй, сделал вывод Вениамин, имеет смысл попробовать.

* * *

Москва,

Ул. Пречистенка, Политехнический музей.

С Ашинов Остелецкий встретился в вестибюле музея, где у нескольких столов велась запись добровольцев, и куда «вольный атаман» вышел после окончания лекции, дабы своим присутствием подхлестнуть энтузиазм тех, кто собирался записываться в переселенцы. Предназначенные для этого столы были расставлены под натянутыми между колонн полотнищами российских триколоров, поверх которых красовались косые кресты, вроде тех, что украшают Андреевские флаги, но только жёлтого цвета. В точности такой флаг висел на сцене во время выступления Ашинова – и тот не раз упомянул, что это не что иное, как штандарт будущего военного поселения «Новая Москва», который уже сейчас, в этот самый момент, развеивается над источенными горячими африканскими ветрами стенами старинной крепости Сагалло.

Увидев «атамана» вблизи, Вениамин понял, что впечатление, составленное по описаниям и газетным дагерротипам, нисколько его не обмануло; сбивал с толку, разве что, высокий, порой даже писклявый голос, однако внешность почти былинного богатыря, эдакого Микулы Селяниновича, сей недостаток компенсировала. Ашинов по торжественному случаю был в

чёрном суконном казакине с серебряными газырями и чёрных же шароварах с малиновыми лампасами; на голове имел лохматую горскую папаху, снимать которую не пожелал даже на в музейном лектории. Остелецкий дождался, когда толпа, окружающая «вольного атамана», слегка рассосётся, после чего подошёл и представился. Согласно легенде, разработанной для этой встречи – и по бумагам, которые он тут же и вручил «вольному атану» – он был служащим картографического управления Адмиралтейства, командированным для участия в экспедиции с целью уточнить имеющиеся карты залива Таджура, произвести топографическую съёмку окрестностей крепости Сагалло, промерить глубины, и составить для управления соответствующий отчёт. Расходы на это, заявил Остелецкий, полностью берёт на себя Адмиралтейство; в помощь себе он на казённые средства намерен нанять несколько образованных молодых людей из числа желающих отправиться в Абиссинию. При этом Вениамин указал на группку из трёх студентов и гимназиста, терпеливо дожидавшихся в сторонке. Если, добавил он, глубокоуважаемый атаман не против, он со своими «рекрутами» присоединятся к переселенцам в Одессе, спустя две с половиной недели – именно на этот срок назначено отбытие парохода Добровольного флота, шедшего до Александрии, где планировалось зафрахтовать для переселенцев уже другое судно.

О том, что Адмиралтейство не оставит ашиновцев без своей опеки, Вениамин, разумеется, умолчал. Первое впечатление – первым впечатлением, но ему ещё многое предстояло выяснить, прежде чем планы Юлдашева начнут воплощаться в жизнь, превращаясь в финансовые средства, винтовки и шинели, полученные с воинских складов, мешки с крупой, ящики с консервами, бочки с солониной и всё прочее, жизненно необходимое в подобном мероприятии.

Беседа с «вольным атаном» не заняла много времени – говорить о делах по-настоящему серьёзных здесь, посреди шумной толпы, да ещё и стоя на ногах, Остелецкий не хотел. Договорившись о встрече в приватной обстановке, он отошёл к успевшим заскучать «рекрутам». С ними ему повезло – в «Чебышах» он застал не только Аристарха, но ещё и этих трёх молодых людей, как раз собиравшихся на лекцию в Политехнический. Таким образом, зверь, можно сказать, сам вышел на охотника: пробежав глазами письмо двоюродного брата, Аристарх тут же, не теряя времени, представил питерского гостя своим товарищам. Наскоро обсудив с ними предстоящее мероприятие (Остелецкий, желая присмотреться к возможным спутникам, не торопился раскрывать им свои планы) они совсем было собрались уходить, когда в дверь постучали, и на пороге комнаты возник встрёпанный гимназист. Он испуганно уставился на мундир Вениамина и даже едва не пустился наутёк – но хозяин комнаты схватил его за рукав и, извинившись перед гостями, вывел в коридор. Минут пять оттуда доносился невнятный бубнёж – то громче, то тише, то вовсе с паническими нотками, – после чего, Аристарх вернулся, таща за собой, словно на буксире, давешнего гимназиста, ещё более взъерошенного, потного, но, похоже, оставившего мысль о немедленном бегстве. Представив его Остелецкому как Матвея Анисимова, он попросил взять парня под покровительство: «мой друг и сам собирался присоединиться к абиссинскому предприятию. В «Чебыши» же пришёл за советом, поскольку из дома он сбежал, нужных бумаг не имеет, а без них записываться в переселенцы общим порядком нечего и думать. Так может, штабс-капитан в качестве ответной любезности сумеет как-то помочь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.